

Александр Михайловский
Юлия Маркова

ГОД 1914-й ПОРА ОТМЩЕНИЯ

В закоулках Мироздания - 15

В закоулках Мироздания

Александр Михайловский
Год 1914-й. Пора отмщения

«Автор, Автор»

2023

Михайловский А. Б.

Год 1914-й. Пора отмщения / А. Б. Михайловский — «Автор, Автор», 2023 — (В закоулках Мироздания)

Общеввропейская бойня продолжается. На русско-германском фронте установилось длительное затишье, и в то же время Австро-Венгрия терпит необратимое поражение. На западе, во Франции, после Битвы на Сене фронт стабилизировался в сорока километрах от Парижа, а на Балканах образовался союз из России, Сербии и Болгарии, естественными врагами которого стали турки, австрийцы и немного греки с румынами. Для Сербии этот альянс означает спасение от удара в спину, для Болгарии - войну за национальное достоинство, а для России - возможность овладеть Босфором и Дарданеллами, превратив Черное море в свой внутренний водоем. И как раз в этот патетический момент в Санкт-Петербурге назревает заговор профранцузских элит по образцу Февраля семнадцатого года. Но Артанский князь готов и к такому повороту событий. Мир находится накануне того момента, когда ничего уже не будет прежним, и Англии с Францией еще предстоит осознать глубину того кошмара, в который они ввергают сами себя, пытаясь свергнуть царя Николая.

© Михайловский А. Б., 2023

© Автор, Автор, 2023

Содержание

Часть 57	5
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Александр Михайловский, Юлия Маркова

Год 1914-й. Пора отмщения

Часть 57

Семьсот тридцать девятый день в мире Содома. Полдень. Заброшенный город в Высоком Лесу, Башня Силы.

Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский

Уже девять дней продолжается русское наступление на Юго-Западном фронте. На Будапештском направлении, командовать которым доверено генералу Брусилову, восьмая (Леш), третья (Радко-Дмитриев) и пятая (Плеве) армии с боями продвинулись на сто двадцать километров и остановились на оперативную паузу на ближних подступах к Мишкольцу и Дебрецену. А у них в тылу глухо гупают тяжелые осадные гаубицы, в щебень разнося укрепления Перемышля. Позади – треть расстояния от предгорий Карпат до Венгерской столицы. Противостоящая группировка Брусилова третья австрийская армия генерала Брудермана (куда влилась и группа Кевеса), измочаленная в арьергардных сражениях до последней крайности, подкрепления получает только в самых мизерных количествах, несмотря на все вопли из Будапешта. И если венгры и поляки пока сражаются с отчаянием обреченных, то австрийцы ведут себя более индифферентно, а среди частей, укомплектованных чехами и словаками, уже имелись случаи массовой сдачи в русский плен – ну не хотят братушки воевать за заносчивых и жестоких мадьяр.

При этом, если посмотреть на ситуацию глазами младшего архангела, становится видно, что отношения между венгерским правительством и регентом Францем Фердинандом – хуже некуда. Скорее всего, именно поэтому Франц Конрад фон Хётцендорф решил не тратить весьма ограниченные ресурсы на спасение того, что все равно отвалится, и все резервы, что удастся соскрести с изнемогающей страны, направляет на спасение Богемии. Но это все пустые хлопоты, потому что спасти Богемию может только немедленный выход Австро-Венгрии из войны. Но это попросту невозможно – до тех пор, пока тело императора Франца-Иосифа не испустит дух. Нет у регента таких полномочий – в корне менять политику государства.

На Краковском направлении, возглавляемом непосредственно генералом Ивановым, наступают десятая (Щербачев), девятая (Лечицкий) и четвертая (Флуг) армии, общей численностью в полмиллиона штыков и сабель, при тысяче семистах трехдюймовых орудиях. Противник перед ними присутствует в виде отдельных частей ландвера и ландштурма, численностью не более двадцати тысяч рыл, а потому с момента начала наступательной операции откатывался перед наступающим русским паровым катком к Краковскому УРу, не принимая боя даже с передовыми кавалерийскими частями. К настоящему моменту этот важный стратегический пункт и узел дорог полностью блокирован частями девятой армии, которая и займется его приведением к общему знаменателю, когда придут одиннадцатидюймовые осадные мортиры, необходимые для того, чтобы равнять город квартал за кварталом. И в то же время четвертая и десятая армии вышли на ближние подступы к Острове и остановились, ожидая перешивки железнодорожной колеи на русский стандарт и подвоза всего необходимого для рывка в Богемию.

Несмотря на общую незначительность краковского гарнизона, бойня там намечается страшная: обитающие в этом городе польские паны со схизматиками-москалями биться будут насмерть, до последней женщины и ребенка. Энергооболочка говорит, что по ожесточенности все это может вылиться в некий аналог подавления Варшавского восстания немцами, ведь

местные пшечки думают, что сразу после взятия города их всех погрузят в вагоны и отправят в ужасную Сибирь, где зимой даже вороны замерзают на лету. И, кстати, в том же уверены и обитатели Будапешта с Венной. Страх на австро-венгерских землях стоит как при Батыевом нашествии. Геббельса еще нет, а газетного триндежа в его стиле хоть отбавляй. Когда солдатам Сибирских корпусов, находящимся на излечении в нашем госпитале, начинают рассказывать о том, как их родной землей пугают разных европейцев, будто преддверием Ада, у тех возникает только один вопрос: «Они там что, ополоумели все?».

Задаешь этот вопрос энергооболочке, и та отвечает, что да, мол, так и есть, ополоумели, причем очень давно. Раскол на православных и католиков на самом деле произошел не по вопросу филиокве, и не из-за принципа главенства римских Пап над всеми остальными патриархами-кардиналами, а из-за принципиального понимания того, можно ли осознанно творить зло и оставаться при этом христианином. На так называемом Коллективном Западе католики и их крайняя экстремистская форма – протестанты – считают, что зло творить можно, и даже нужно, ибо оно не умаляет ни благодати священства, ни возможности спасения души для мирян, а вот добро творить бесполезно, ибо Богу оно безразлично или прямо неуютно. Профанам, конечно, внушают нечто иное, а вот имущие духовную и светскую власть уверены в своем праве творить любые безобразия, ибо ничего им за это не будет ни на этом, ни на том свете.

На Востоке настроения прямо противоположные. Впросак там попадают только в тех частных случаях, когда власть имущие под влиянием настроений из Европы отрываются от народной массы и воспаряют над толпой на крыльях врожденной исключительности – как, например, Николай Александрович и его родитель, повелевшие именовать голод недородом. Мол, если неприятное явление не замечать, то его как бы и нет. Впрочем, царю Николаю я на это дело уже попенял, а его наследница настроена стать настоящей Матерью Земли Русской, а не владелицей поместья с рабами.

И вот в это время, когда с фронтов приходят только радостные вести о победах и продвижении вглубь вражеской территории, в некоторых печатных изданиях самой разной направленности начинают выходить статьи, нацеленные на дискредитацию и очернение действующей власти. Одни кричат, что России эта война не нужна, и на фронтах только зря льется русская кровь. Другие называют предательством союзников отказ от безудержного наступления на Берлин и прямо обвиняют в это царицу-немку. Третьи перепечатывают статейки из европейской прессы, посвященные некоему Артанскому князю, и сетуют, что, хоть Распутин делся неизвестно куда, теперь у царя Николая завелся новый, еще худший, конфиденд-чудотворец.

Все это бурление говен, предвещающее грядущую попытку государственного переворота, самым явным образом исходит из французского посольства в Петербурге, контакты которого с «представителями общественности» в последнее время резко активизировались, при том, что англичане сидят у себя тихо и только внимательно следят за ситуацией. Еще один тревожный сигнал: Великий Князь Кирилл Владимирович, потенциальный претендент на престол со стороны заговорщиков, сказавшись больным, покинул Ставку в Барановичах, куда был прикомандирован решением царя, и приехал в Санкт-Петербург. И туда же с фронта в распоряжение Военного министерства убыли удаленные из действующей армии генералы Рузский, Алексеев и некоторые другие. Атмосфера начинает пахнуть озоном, потрескивают искры и волосы встают дыбом. Но трогать эту клоаку, пока нарыв не прорвался сам, мне кажется преждевременным. Пусть эти люди сами поставят себя вне закона, а уже тогда мы им всем разом устроим «утро стрелецкой казни», а потом организуем разрыв франко-русского и англо-русского союзов, ибо настанет время, как я и обещал Вильгельму, разворачивать европейскую шахматную доску на девяносто, а быть может, и на все сто восемьдесят градусов.

Под своей личиной Снежной Королевы Бригитта Бергман побывала в Царском Селе, ознакомилась с обстановкой и доложила, что прямо там, в месте постоянного обитания, рус-

скому царю ничего не угрожает. И сводный лейб-гвардейский пехотный полк, и Кавказский лейб-конвой, и особый отряд по охране императора, возглавляемый небезызвестным в узких кругах Александром Спиридовичем, на данный момент абсолютно надежны. При этом энергооболочка хмыкнула и добавила, что если бы в шестнадцатом году Основного Потока царь Николай не удалил от себя полковника Спиридовича, назначив того Ялтинским градоначальником, то попытка генералов наставить на своего царя револьверы закончилась бы быстро и просто. Все они были бы сразу арестованы и немедленно расстреляны у железнодорожной насыпи, а потом там же, рядом, лег бы труп начальника станции, перекрывшего семафор царскому поезду, после чего заговор начал бы стремительно рассыпаться на составные элементы.

В таких условиях, когда охрана не допустит ничего подобного Февральским выкрутасам, и, самое главное, в обществе отсутствует запрос на немедленные перемены, у заговорщиков и их иностранных кураторов остается только один-единственный путь – цареубийство. Тут надо заметить, что и Брауншвейгскую династию с их царем-младенцем Иваном Шестым, и царя-мизерабля Петра Третьего российское общество (и элиты, и народ) видели только в гробу и белых тапках, а потому им было позволено пожить какое-то время после переворота. Павел Первый, несмотря на всю свою психическую непредсказуемость, репутацию имел получше, а потому его требовалось «мочить» сразу, а то как бы чего не вышло. С нынешним Николаем Александровичем то же самое. Если он останется жив, то законность отречения сразу будет оспорена, и тогда под узурпатором закачается даже не трон, а сама мать русская земля. Да и я не буду сидеть сложа руки, а приду и оторву голову тому, кто свое честолюбие и тщеславие поставил превыше интересов Российского государства, как бы оно ни называлось. И нахлобученная на эту голову корона мне, однозначно, не помешает, хотя таких прецедентов еще не было. С Александром Первым все обошлось мирно, можно сказать, полюбовно, а вот царь Кирюха – это совсем не тот случай.

В связи с этими соображениями я распорядился, чтобы Дима-Колдун добавил в предназначенный для Николая Александровича амулет стасиса функцию автоматического срабатывания на инициацию поблизости от защищаемого объекта взрывного устройства и на приближение к нему быстро летящих предметов. В террориста-одиночку с револьвером я не верю, а вот заложенный в удобном месте фугас или пулемет, выставленный на кинжальный огонь, могут случиться вполне. И точно такие же амулеты получают все члены семьи Романовых, ведь даже Ольга с Татьяной проводят в Тридесятом царстве не все свое время, иногда посещая отчий дом. И что теперь, каждый раз, когда они отправляются в Царское Село, мне переживать и хвататься рукой за сердце? Нет уж, в такие игры я не играю.

Вопрос назрел и перезрел, поэтому для его обсуждения мне пришлось собрать тут, в Тридесятом царстве, конференцию посвященных: Ольгу, Татьяну, Кобу, Владимира Ильича, Михаила Александровича, а также пригласить из Царского Села с краткосрочным визитом императора Николая.

– Значит, так, господа и товарищи, – сказал я, когда все собрались в моем кабинете, – мы на краю великого перелома. В Питере представители племени жабоядцев развили просто неприличную суету, пытаясь подвинуть определенные круги вашего общества к немедленному совершению государственного переворота. О том же свидетельствует и начавшаяся газетная кампания, имеющая целью очернить правящего сейчас в России императора и вашего покорного слугу. Уж слишком сильно французским политикам не нравится нынешняя независимая позиция России, преследующей в этой войне только свои цели. А уж захват Россией Черноморских Проливов им и лимонникам и вовсе как серпом по причиндалам. Но поскольку год сейчас еще далеко не семнадцатый, то ничего, подобного февральскому перевороту с революционными волнениями и отречением монарха, у заговорщиков не получится. Так что в самое ближайшее время следует ожидать наспех организованной попытки цареубий-

ства, с последующим воцарением подходящего кандидата, в качестве которого сейчас всерьез рассматривается только Великий князь Кирилл Владимирович...

– Сергей Сергеевич, а почему вы считаете, что покушение на Нашу Особу должно произойти именно в ближайшее время? – сдерживая невольную дрожь, спросил папенька Ольги и Татьяны.

– А потому, Николай Александрович, что в этом забеге мы взяли такой темп, что трехногие французские и британские клячи за нами просто не успевают, – ответил я. – Выход из войны Австро-Венгрии, и тем более захват русской армией Константинополя, лишат возможный переворот большей части смысла. В таком случае тот, кто попытается залезть на трон после вас, будет выглядеть уже не Спасителем Отечества, а национальным предателем, коего не поддержат ни элиты, ни армия, ни народ.

– Надо учесть, – глухо сказал Коба, – что основную часть заговорщиков составляют кондовые политические развратники, и в то же время хронические импотенты. Они вожделеют власть, пускают на нее слюни, но, получив доступ к телу, ничего не могут с ней поделать. Так было в феврале семнадцатого года другой истории, так будет и здесь, если покушение на нынешнего царя окажется успешным. Так что никаких Спасителей Отечества из этих людей не получится, и уже очень скоро Россия взвоет под их гнетом от боли и ужаса. И вот тогда придет время большевикам брать власть и творить свою историю – разумеется, с учетом тех идеологических поправок, которые внес в нашу программу товарищ Серегин.

– Покушение успешным оказаться никак не может, ибо мне такой исход категорически не нравится, – сказал я, выкладывая на стол восемь серебряных медальонов с выгравированными именами. – Наденьте это и носите рядом с нательным крестом, не снимая ни днем, ни ночью, ни даже в бане. Вот этот для вас, Николай Александрович, этот для Ольги, этот для Татьяны, этот для Михаила Александровича, а эти для Александры Федоровны, Марии, Настасьи и Алексея. На эти амулеты наложены заклинания стасиса, регенерации, истинного взгляда и предупреждения о попытке отравления. Если медальон завибрировал, то где-то поблизости от вас, на расстоянии вытянутой руки, находится ядовитое вещество, и чем сильнее вибрации, тем опаснее угроза. Также предусмотрено автоматическое, в миллионные доли секунды, срабатывание амулета в случае инициации поблизости от защищаемого объекта заряда взрывчатки или приближения к нему мелких быстролетящих предметов. Поскольку на реанимацию разгромленной эсеровской боевки у французского Второго Бюро совершенно нет времени, то можно не опасаться стрелков с автоматическими пистолетами и команд бомбометателей. Зато, так как среди заговорщиков достаточно офицеров с боевым опытом, имеющих доступ к оружию и взрывчатке, вполне вероятны заложенные в удобных местах минные фугасы или выставленные на кинжальный огонь пулеметы, – быть может, «Мадсены», а быть может, и «Максимы». Но для амулета все это без разницы – прикроет от всего, лишь бы во время покушения он находился на охраняемом теле, а не валялся в ящике письменного стола.

– Ну что же, – сказал Николай, взяв в руку медальон, – конечно, хотелось бы вообще избежать покушения, но если это невозможно даже для вас, то лучшей защиты, чем амулет с подобными свойствами, нельзя было бы и желать...

– Предотвратить покушение возможно только одним способом, – хмыкнул я. – Для этого нужно арестовать уже обозначившуюся верхушку заговора, включая господина Гучкова, вашего двоюродного брата и главного жандарма господина Джунковского, после чего отправить этих людей в башню Терпения в беспощадную разработку полковнику Бригитте Бергман и криминаль-директору Курту Шмидту. Но результаты такого расследования будут годиться только для внутреннего употребления, потому что для внешнего, то есть вашего, мира эти господа станут невинными жертвами царской тирании. А вот если то же самое произойдет после неуспешной попытки цареубийства, то круг сочувствующих этим господам сузится до самой малости, включающей в себя только поделщиков и заинтересованных лиц. Также должен

заметить, что, поскольку за спиной заговорщиков стоят французские и британские правящие круги, станет неизбежным разрыв соглашений о франко-российском и англо-российском союзах. Или вы, Николай Александрович, придерживаетесь иного мнения и согласны и дальше играть в эти игры?

– Да нет уж, Сергей Сергеевич, с меня хватит, – пожегился Николай. – Вы правильно говорили, что с такими союзниками и никаких врагов не надо. А вот с кайзером Вильгельмом нам стоило бы замирииться, разумеется, в случае принесения им соответствующих извинений, выплат компенсации за неспровоцированное объявление войны и выкупа за занятую нашими войсками Восточную Пруссию.

– Думаю, что это вполне возможно, – сказал я. – Все в этом мире имеет свою цену, и поведение вашего германского кузена тут не исключение. Впрочем, с ним все просто. Заплати штраф, запомни урок и дальше спи спокойно. Но безумные авантюры так называемых демократических правителей, сперва развязавших общеевропейскую войну, а потом устроивших переворот у своего главного союзника, должны оцениваться по совершенно особенной ставке. Посеявшие ветер должны пожать бурю.

– Сергей Сергеевич, Вы считаете, что вслед за выходом из состава Антанты Россия должна будет вступить в союз Германией? – обеспокоенно спросил всероссийский император. – Боюсь, что мои подданные не поймут такого политического хода, несмотря на все коварство бывших союзников.

– Нет, – усмехнулся я, – Россия останется к Германии дружески нейтральной, будет поставлять ей сырье и продовольствие, получая в ответ необходимое промышленное оборудование, и на этом все ее функции будут исчерпаны. Бурю слишком умным парижским и лондонским политикам-интриганам организую я сам, в ипостаси Бича Божьего, предложив Вильгельму стать моим вассалом. Если русских, сербов и болгар в этом мире необходимо защищать от воздействия извне, то немцев нужно оберегать от самих себя. Этого требуют от меня и мои Верные германского происхождения, которые желают, чтобы их родню наставили на путь истинный, а не убивали насмерть. А у вас и вашей дочери при этом будет достаточно хлопот внутри России, ибо война закончится еще до Рождества, а внутренние неурядицы останутся, и с ними еще предстоит бороться со всей серьезностью. Кстати, советовал бы вам как можно скорее объявить Ольгу наследницей и соправительницей, а также отменить требование к равнородности супругов великих князей и княжон из Дома Романовых. Думаю, что ваша старшая дочь к этой роли уже готова, и к тому же в случае попытки покушения стасис не отпустит вас еще сутки. Наличие у Ольги наивысших полномочий позволит нам свести хаос после покушения к минимуму и не дать усугубить ситуацию.

– Да, Папа, – кивнула Ольга, опустив глаза, – Сергей Сергеевич прав. Конец войны виден уже невооруженным глазом, и российский народ необходимо приучать к мысли о том, что караул при троне может перемениться вполне определенным образом.

– Хорошо, Сергей Сергеевич, – кивнул Николай, – вернувшись в Царское Село, я немедленно издам соответствующий манифест. Я же вижу, что вы всеми силами стараетесь повернуть наш мир на лучший путь, а безумные политики все тянут его на прежнюю колею. Ведь, имейся у них хоть капля разума, никакой войны просто бы не случилось. Уже того факта, что эрцгерцог Франц Фердинанд при покушении остался жив, было бы достаточно для того, чтобы уладить все противоречия путем переговоров, но, несмотря на это, война случилась в те же самые сроки и по тому же сценарию, что был описан в ваших книгах. И вот теперь переворот, подобный Февральскому, назрел у нас совершенно на ровном месте, только из желания французских политиков заставить Всероссийского императора плясать под их дудку, а русских солдат – умирать за их интересы. Однако сейчас меня интересует, почему молчат господа большевики, в частности, господин Ульянов...

– Ну что тут можно сказать? – хмыкнул Ильич. – Ситуация агхиинтегесная. Еще в те времена, когда вы, господин Романов, не были вхожи в нашу компанию, товарищ Серегин наглядно продемонстрировал нам, большевикам, все политические механизмы, в соответствии с которыми совершенно незначительный Сараевский инцидент быстро превратился в общеевропейскую войну. Впрочем, вспыхнувшая бойня не принесла своим отцам ничего хорошего, и вот этими господами уже жаждет заняться непосредственно Бич Божий. А это страшно! Уж лучше им сразу лечь под трамвай и не мучиться. И в то же время ситуация в России совершенно не напоминает ту, что была в канун Февральской революции в другой истории, но крупная либеральная буржуазия, ярким представителем которой является господин Гучков, все равно решила на безумную попытку государственного переворота. Десять лет назад, после Кровавого Воскресенья, не было в России более ненавидимого человека, чем Николай Романов, но теперь это совсем не так. Я не понимаю – за счет чего эти люди рассчитывают удержаться у власти, даже если им удастся ее захватить?

– А у меня есть мнение, – сказал Коба, – что те иностранные политики, которые толкают нашу буржуазию на этот переворот, и не рассчитывают на то, что ее правление продлится хоть сколь-нибудь долго. На самом деле им не нужны ни послушный царь Кирюха, ни даже республика под властью либералов и демократов. Им в России нужны хаос, развал и война всех со всеми, что станет приманкой для германской военщины, которая, увидев разброд и шатания внутри русского народа, бросится его завоевывать и оккупировать, и это потребует от Германии в несколько раз больше дивизий, чем сейчас находятся на Восточном фронте. Русский народ в любом случае будет воевать с теми, кто захочет его покорить и принудить к покорности, и тем самым обескровит армию кайзера, имеющую весьма ограниченные людские ресурсы. Ничего хорошего ни для русских, ни для немцев при таком развитии событий не получится, зато Париж и Лондон окажутся в прибыли.

– Думаю, что товарищ Коба полностью прав, – сказал я, – а потому все то же самое и по тому же месту я намерен вернуть высокоумным европейским господам. Как говорят в нашем народе, не рой другому яму. На этой патетической ноте я думаю закончить наше совещание и заняться делами, ибо их, этих дел, сейчас невпроворот.

– Погодите, Сергей Сергеевич, – произнес император Николай. – Я только что принял решение освободить от всех податей и налогов те семьи мужиков и рабочих, из которых по мобилизации в действующую армию был призван кормилец. Думаю, что это будет справедливо.

– А если этот кормилец погиб в бою, умер от ран или стал инвалидом, – добавила Ольга, – такое семейство, Папа, от податей и налогов надо освободить навсегда. Оно нам уже все выпластило – и не деньгами, а жизнью и здоровьем своего мужа и отца.

– Да, это действительно будет справедливо, – сказал я. – Родные солдат и офицеров, положивших жизнь за Отечество, должны находиться в привилегированном положении по отношению к прочим согражданам. Ибо по совести иначе никак.

30 сентября 1914 года, вечер. Болгарское царство, Варна, морской порт.

Царь Болгарии Борис III Саксен-Кобург-Готский

С момента государственного переворота и объявления в Болгарии всеобщей мобилизации прошло две недели, и подготовка к войне за национальное достоинство была в самом разгаре. Ультиматумы соседним державам еще не объявили, но тут все понимают, с кем и почему будут воевать болгарские солдаты. Если бы Россия была с нами два года назад, то не случилось бы злосчастной межсоюзнической (*второй балканской*) войны, Фракия была бы наша, и Македония тоже, ибо русский царь в моем присутствии прямо высказался о своем намерении передать ее под власть Болгарии. Но тогда вмешалась европейская дипломатия, император Николай Второй проявил нерешительность, да и из Вены моему отцу диктовали нечто прямо

противоположное, а потому случилось то, что случилось. Сейчас все совсем не так, и дело даже не в том, что мой отец сподобился сделать последнюю в своей жизни глупость. Сейчас за Вторым Балканским Союзом стоит воля могущественного человека и младшего архангела, поклявшегося вооруженной рукой защищать русский, сербский и болгарский народы и никогда не допускать между ними кровной вражды, ибо этого хочет сам Бог.

И вот сегодня в Варну начал прибывать авангард русской отдельной Фракийской армии, состоящей из двух армейских корпусов, и еще четыре корпуса сосредоточены в Бессарабии – для того, чтобы, принудив Румынию к приличному поведению, проследовать на территорию Болгарии по суше. Это даже больше, чем русское командование оставило себе для действий на Кавказе, ибо там, в составе Кавказской армии, всего три корпуса. Когда я спросил у господина Серегина, прибывшего в Болгарию с краткосрочным визитом, почему царь Николай принял именно такое решение, то получил от него вполне определенный ответ.

– Понимаете, Борис, – сказал мне Защитник русских, сербов и болгар, – на Кавказе находится жирный курдюк турецкого барана, а тут его голова, к которой мы сейчас приставили пистолет. Вы можете сколько угодно кромсать ножом толстый бараний зад, но это совсем незначительно уменьшит жизненные силы животного, в то время как пуля в голову прикончит его окончательно и бесповоротно. Утрата Константинополя будет означать военный крах и политический развал османского государства, после чего война закончится и начнется расчленение мертвой туши. Войны следует выигрывать, а не затягивать. И высший шик, когда победа наступает после одного молниеносного удара. Турецкое командование этот момент понимает ничуть ни хуже, чем мы, и сейчас пытается срочно перегруппировать свои силы, расставленные на исходных позициях в расчете на совсем другой состав союзников и противников. Мне уже известно, что большая часть османской армии уходит с Кавказа в величайшей спешке, но как бы они ни торопились, к Стамбулу их аскеры подойдут с большим опозданием. Пока еще Стамбулу...

Я посмотрел на пароходы у причалов, с которых на болгарский берег густым потоком сходили ошестинившиеся штыками русские солдаты, и сказал:

– Болгария к войне почти готова. Первая и вторая армии развернуты вдоль турецкой границы, третья армия находится на границе с Румынией. Болгарский народ не забыл пожирателям кукурузной каши коварства во время Межсоюзнической войны, и готов сторицей отомстить им за тогдашний удар в спину...

– Мстить, Борис, стоит только румынским правителям, неважно, из какой они партии – национал-либеральной или консервативной, – ответил мне господин Серегин. – На скрижалях судьбы записано, что через десять дней скончается король Кароль Первый. Вот тогда и начнем. В поваренной книге Старших Братьев записано, что Румынии как государства на карте Европы быть не должно, а потому обе Добруджи – и южная, и северная – отойдут к Болгарии, а Трансильвания, Валахия и Молдавия¹ либо войдут в состав Российской империи на правах губерний, либо составят вассальное России Великое княжество Румыния. Третьего не дано.

– Погодите! – воскликнул я. – Скажите, что такое Поваренная книга Старших Братьев? Может, там и про Болгарию что-нибудь написано?

– Видите ли, Борис, – сказал Артанский князь, – на самом деле я не первый Паладин Господа, которому поручено улучшение различных миров. Только я рейдер, который идет от одной поворотной точки истории до другой, а люди, именуемые Старшими Братьями, крупными вооруженными командами оседали в назначенных им мирах и начинали творить свою историю. Из одного такого мира у нас оружие, снаряжение и книги, но ни одного человека, из другого мира пришла моя богоданная супруга, из третьего мира мы получили начальный офицерский состав, а из четвертого мира, спасаясь от победоносного русского воинства,

¹ нынешняя Молдавия тогда называлась Бессарабией.

удрали наши первые враги. Старшие братья были людьми дотошными, к своему делу подходили со всей серьезностью, так как в этих мирах им предстояло жить, а все ошибки и недостатки пали бы на головы их детей, внуков и правнуков. Поэтому я без колебаний пользуюсь их готовыми рецептами, и кое-что у меня получается. То, что я предложил вам, болгарам, как раз и было таким готовым рецептом от тех, кто уже делал эту работу до меня в другом мире, а теперь очередь дошла и до Румынии. На самом деле это вечно нищее, жадное и вороватое государство, по недоразумению зачатое по итогам Крымской войны, на карте Европы совсем не нужно, и от его исчезновения никто особо переживать не будет.

– Понятно, – сказал я, прикусив губу, а потом не удержался и спросил: – А кем был я в том, другом мире?

– Тем же, кем и сейчас – царем Болгарии Борисом Третьим, – ответил господин Серегин. – Только там смена караула в Софии произошла еще в тысяча девятьсот восьмом году, ваш папенька кувырком улетел в Кобург, а опеку над вашим семейством взяли на себя один из Старших Братьев адмирал Ларионов и его супруга, ваша дальняя родственница Виктория Великобританская. Царь из вас там получился значительно выше средних кондиций, потому-то, начиная работу над ошибками в Балканском вопросе, я и зашел сразу с вашей стороны, а не стал искать других путей. И как я вижу, Борис, это не было ошибкой. У вас есть потенциал, необходимый для того, чтобы сделать Болгарию мирной, счастливой и процветающей страной, и реализовать этот путь теперь будет главной задачей вашей жизни.

– Спасибо на добром слове, господин Серегин, – сказал я, стараясь сморгнуть непроизвольно выступившие слезы. – Я вам клянусь, что сделаю все возможное, чтобы оправдать ваши ожидания.

– Не надо клясться, Борис, – ответил Артанский князь. – Просто сделайте это. И помните, что сам Творец смотрит на вас с Небес. Теперь, после того, как вы побывали у меня в Тридцатом царстве, Он знает вас в лицо, а одно это стоит дорогого. Кстати, точно так же, по рецепту от Старших Братьев, я обратил внимание и на сербского королевича Георгия, и он тоже меня не разочаровал. История, раздутая господами из «Черной руки», оказалась насквозь ложной и смердящей как лежалый труп, о чем они все и покаялись перед лицом Господа. Надеюсь, что в дальнейшем вы станете настоящими друзьями, и также будут дружить ваши страны. Несмотря на все свои недостатки, резкий и невыдержанный характер, этот человек всегда будет говорить вам в глаза одну только правду, и никогда не станет сговариваться и злословить за вашей спиной. Это я вам гарантирую.

В ответ я только молча кивнул. И в самом деле, один друг, который всегда говорит тебе горькую правду, дороже миллиона подхалимов, не устающих произносить слова сладкой, как мед, лжи. Отец, который сейчас горит в аду, наверняка думал иначе, а потому никогда не имел настоящих друзей, и даже к нашей матери относился как к племенной кобыле, не чувствуя к ней никаких человеческих чувств. Но я-то не он, и, самое главное, я не желаю следовать его путем, ибо я – настоящий болгарский царь, неотъемлемая часть своего народа, а не австрийский офицер, временно исправляющий должность монарха у славянских дикарей.

1 октября (18 сентября) 1914 года, вечер. Санкт-Петербург, здание Морского собрания, музыкальный вечер любителей классического русского романса.

Товарищ (заместитель) начальника Главного морского штаба генерал-лейтенант флота Сергей Ильич Зилоти

Выходец из рядов бессарабского дворянства, генерал-лейтенант флота Сергей Ильич Зилоти, талантливый композитор и музыкант, автор множества романсов и душа общества, шурин Александра и Константина Гучковых, поделался главным связующим звеном заговора как будто просто в силу вещей. Еще лет тридцать назад талантливый молодой офицер начал устраивать в Морском собрании литературно-музыкальные вечера, на которые собирались

не только ценители прекрасного из среды морских офицеров, но и прочие сливки общества: богатые меценаты, а также верхушка адвокатуры и профессуры.

Все изменилось в тысяча девятьсот седьмом году, когда в этот светско-интеллигентский сортир вбросили пачку политических дрожжей... В Петербург после избрания депутатом Третьей Государственной Думы прибыл действительный статский советник Александр Иванович Гучков, управляющий Московского учётного банка и председатель наблюдательного комитета страхового общества «Россия», один из богатейших людей Российской империи. Так уж получилось, что в канун войны с Японией младшая сестра Сергея Ильича, Мария, вышла замуж за этого человека. Впрочем, это была далеко не первая связь между семьями Гучковых и Зилоти: за несколько лет до той свадьбы еще одна из сестер Зилоти, Варвара, вышла замуж за самого младшего из братьев Гучковых, Константина. Главной особенностью этой семейки банкиров и предпринимателей было то, что большую часть своих капиталов они хранили за границами богоспасаемого отечества, и тем самым плотным образом связали себя с иностранными интересами.

А еще Александр Гучков был храбрым человеком и великим авантюристом, любителем острых ощущений. В свое время он успел побывать добровольцем на англо-бурской войне, и даже попался в плен англичанам, потом принял участие в подавлении восстания ихэтуаней, заведовал лазаретом на русско-японской войне, принимал участие в илленденском восстании болгар против турецкого владычества, а также отметился на первой балканской войне. Как политик, господин Гучков придерживался либерально-консервативной ориентации на конституционную монархию, и стал одним из основателей партии «Союз 17 октября». Он истово поддерживал господина Столыпина во всех его начинаниях, считая, что только такой сильный государственный лидер способен проводить реформы и обеспечить порядок в Российской империи. Помимо всего прочего, этот человек выступал за решительную борьбу с революцией, даже с помощью военно-полевых судов, проявляя не столько стремление к порядку, сколько кровожадное желание поставить на место разное быдло.

В Третьей Государственной Думе (1907-12 годы) господин Гучков имел должность председателя комиссии по государственной обороне, и на этом посту установил тесные связи со многими представителями российского генералитета. В 1908 году он выступил с резкой критикой деятельности в армии представителей Дома Романовых, призывая их уйти в отставку. Для обсуждения секретных дел, которые он не доверял другим членам комиссии по обороне, в 1909 году создал в Петербурге парамасонскую Военную ложу, являвшуюся частью масонской организации Великий Восток Народов России, а уже та находилась под эгидой Великого Востока Франции. Однопартиец Савич так сказал о нем: «При большом уме, талантливости, ярко выраженных способностях парламентского борца Гучков был очень самолюбив, даже тщеславен, притом он отличался упрямым характером, не терпевшим противодействия его планам».

Все изменилось после убийства Столыпина в сентябре 1911 года, когда Гучков, еще будучи депутатом Думы, ушел в глухую оппозицию к правительству, а против Николая Второго развязал личную вендетту. Так, он позволил себе предать огласке в думских кулуарах подробности одного частного разговора с Николаем Вторым, выдав своим собеседникам не только факты, о которых шла речь, но и некоторые мнения, высказанные его августейшим собеседником. В конце концов история с разговором попала в прессу, после чего Николай Второй стал относиться к этому персонажу резко враждебно, восприняв публикацию своего частного разговора как оскорбление и предательство. Еще одной мишенью для критики и оскорблений в адрес царского семейства стали его отношения с Григорием Распутиным и само явление распутинщины. Под занавес своей парламентской деятельности (следующие выборы он проиграл) Гучков выступил в Думе с громкой антираспутинской речью:

«Хочется говорить, хочется кричать, что церковь в опасности и в опасности государство... Вы все знаете, какую тяжёлую драму переживает Россия... В центре этой драмы – загадочная трагикомическая фигура, точно выходец с того света или пережиток темноты веков, странная фигура в освещении XX столетия... Какими путями достиг этот человек центральной позиции, захватив такое влияние, перед которым склоняются внешние носители государственной и церковной власти... Григорий Распутин не одинок; разве за его спиной не стоит целая банда? Антрепренёры старца! Это целое коммерческое предприятие! Никакая революционная и антицерковная пропаганда за многие годы не могла бы сделать того, что Распутин достигает за несколько дней... Не случайно социал-демократ Гегечкори говорит о нём: „Распутин полезен“. Для друзей Гегечкори чем распутнее, тем полезнее... Где власть государства? Где власть церкви?»

Александра Федоровна люто и бессильно ненавидела этого человека, но ничего не могла с ним поделать. В конце концов, маниакальная идея низвержения если не монархии вообще, то хотя бы нынешнего царя и его семейства, стала для Гучкова целью всей жизни.

И вот в самом начале Германской войны Распутин вдруг исчезает таким же таинственным образом, как и появился на политической сцене, а на его месте возникает еще один чудотворец – некий Артанский Великий князь Серегин, от одного упоминания которого у Гучкова сводит скулы от ненависти и злобы и начинает крутить живот. Ведь этот человек препятствует его планам, а кроме того, он творит настоящие чудеса, а не только размахивает руками и надувает щеки. Господин Серегин ходит из мира в мир как между комнатами своего дома, благословляет войско Божьей молитвой, после чего солдаты обретают воистину нечеловеческие свойства, а в его владениях бьет фонтан живой воды, помогающей в кратчайшие сроки излечивать самые тяжелые раны.

Помимо того, он – абсолютный монарх, способный выставить на поле боя не очень большую, но прекрасно вооруженную, оснащенную и обученную армию, обладающую многочисленной артиллерией, что по огневой мощи в несколько раз перекрывает германскую. Там, где в сражение на стороне русских вмешались артанские полки, враг разбит и втоптан в прах. Оглушительные победы русской армии в Восточно-Прусской и Галицийской операциях – это в значительной части их рук дело. Но, кроме обычно вооруженных полков и дивизий, в армии Артанского князя имеются наземные бронированные чудовища и боевые летающие машины, своими возможностями приводящие в оторопь даже бывалых господ офицеров, а умы флотских тревожит загадочная история с пленением «Гебена». Вот был германо-турецкий линейный крейсер, гроза всего русского судоходства – а вот он уже стоит под русским флагом в Карантинной бухте Севастополя, и теперь уже с турецкой стороны из порта не высунется ни одна лохань. Но подробностей тех событий в Питере знать не могут, ибо Балтийский и Черноморский флоты – это как две разные планеты.

За два месяца войны через госпиталь в Тридесятом царстве прошли десятки тысяч русских солдат и офицеров, и после возвращения в строй они порассказали своим товарищам столько всякого, что ни у кого нет теперь никаких сомнений в том, что это место где-то существует на самом деле. Среди заговорщиков, по понятным причинам, нет бывших пациентов того госпиталя и офицеров, участвовавших в боях рука об руку с артанской армией, но имеются их знакомые и знакомые знакомых, слышавшие рассказы о военных чудесах через третьи-четвертые уши. И главным в этих рассказах было то, что Артанский князь оказался великим народолюбом, объявившим себя одним целым со всем своим войском. Формула «Вы – это я, а я – это вы» сводит с ума некоторую часть русского офицерства. А ну как и в русской армии и на флоте будут введены подобные порядки, когда нет господ офицеров и солдатско-матросского быдла, а есть только их командиры и их подчиненные, наглухо спаянные в одно целое сознательной дисциплиной?

И вот в эту бродящую в предчувствии непоправимых перемен и глухо побулькивающую зловонными газами высокоумную биомассу, буквально млеющую от всего французского, из Парижа по дипломатическим каналам поступила команда как можно скорее свергнуть с престола семейство нынешнего императора, подпавшее под полное влияние небезызвестного Артанского князя. Ведь тот публично заявил (и об этом известно в Париже), что ни один русский или артанский солдат не погибнет за возвращение в состав Франции Эльзаса и Лотарингии. Пока французская армия истекает кровью под Парижем, русские, захватив Восточную Пруссию, установили с германцами негласное перемирие и принялись лупцевать безвредных, с французской точки зрения, австрийцев, и, более того, стали готовиться к захвату Черноморских проливов. А это будет такой ужас для Ля Белле Франсе, что и словами и не передать.

Верхушка заговора составила практически мгновенно. Главным действующим лицом, как и ожидалось, оказался истекающий злобой и к правящему семейству и к Артанскому князю Александр Иванович Гучков. И сразу же его партнером стал делегированный англичанами из своей колоды женатый на британской принцессе Виктории-Мелите контр-адмирал Великий Князь Кирилл Владимирович – самый старший представитель следующей по старшинству ветви дома Романовых, что давало ему повод считать себя естественным претендентом на российский престол. Он был вполне согласен на переустройство Российской империи по британскому образцу, когда император сидит на троне и раздает ордена, а все дела в государстве вершит «ответственное правительство», составленное из числа думских депутатов. Связующее звено между двумя этими персонажами и составил генерал-лейтенант флота Сергей Ильич Зилоти, радушный хозяин музыкальных вечеринок с пением русских романсов.

Ведь плести заговоры удобнее всего не в грязном подвале и не в дешевых номерах, где бегают крысы, а тут, среди яркого электрического света, мелодичного пения и интеллигентного общества. К тому же до Санкт-Петербургского жандармского городского управления отсюда всего четыре версты, но заговорщиков никто не потревожит, потому что главный российский жандарм месье Джунковский тоже является ценителем всего прекрасного и поклонником всего французского, то есть входит в комплот господина Гучкова. Тут же находятся генералы Рузский, Эверт и Алексеев, изгнанные с фронта в распоряжение военного министерства по наущению злокозненного Артанского князя, а также старый конфиденд месье Гучкова по думским временам отставной генерал Поливанов и некий господин средних лет с явной военной выправкой, но в штатском костюме, которого все называют месье Боссе.

И рядом с этими персонажами в генеральских и адмиральских погонах присутствует газетный издатель Борис Суворин, сын и наследник скончавшегося два года назад известного издателя Алексея Суворина. Его газета «Новое время» уже тиснула несколько грязных пасквилей авторства Виктора Буренина, нацеленных на репутацию императорской семьи и Артанского князя. Главный заговорщик знает толк в информационной войне и не брезгует в ней никаким, даже самым мерзким и зловонным оружием.

Господин Буренин, он же Владимир Монументов, Хуздозад Цередринов, Выборгский пустынный, граф Алексис Жасминов и т. д., был известным театральным и литературным критиком, поэтом-сатириком, а также ругателем и хулителем всего чистого и прекрасного. В те времена не было такого литературно-театрального таланта, который бы он не обгадил и не оплевал в своих статейках и фельетонах. Типичный «шестидесятник» (в XIX веке тоже было такое явление) и «нигилист», он не считал себя связанным никакими этическими правилами, современники видели в нем «бесцеремонного циника», «который только и выискивает, чем бы человека обидеть, приписав ему что-нибудь пошрое», грубость и переход на личности (включая разного рода домыслы) были его единственным оружием. Господин Серегин также вызвал у этого знатного желченосца непереносимую идиосинкразию: да как он смеет быть таким идеальным – и как монарх, и как человек, и даже как чудотворец.

В статейках этого блудослова, посвященных Тридесятому царству, говорилось, что царские дочери большую часть своего времени проводят в так называемом Тридесятом царстве, где занимаются самым грязным развратом – как с лицами своего пола, так и со всеми встречными и поперечными мужчинами. Также он писал, что царь Николай под руководством г-на Серегина лично проводил колдовской ритуал, гадая по печени новорожденного христианского младенца. И так далее, и тому подобное. И кстати, байку про прямой телефонный провод, протянутый из Царского села прямо в Берлин, чтобы царица-немка могла выдавать германскому командованию русские военные секреты, тоже придумал он.

Впрочем, как раз господина Буренина среди тех, кто пришел на эти музыкальные посиделки в Морском Собрании, нет: слишком мелкая фигура, вроде подзаборного пса, дело которого – гавкать из подворотни по указаниям хозяина. Тут, в отдельном кабинете, собралась только самая верхушка заговорщиков: политики (Милюков о заговоре знал, но самоустрашился), генералы и адмиралы, в худшем случае полковники – как Джунковский и газетные магнаты, как Суворин. Все остальные в решающий момент будут действовать по их указаниям. И были среди участников этой встречи еще двое, не видимые никем, но в то же время вполне реальные. Бригитта Бергман и товарищ Ульянов-Ленин, находясь по другую сторону просмотрового окна, все видели и слышали, а товарищ полковник госбезопасности еще и сняла с каждого высокопоставленного заговорщика слепки аур. До того дистанционно можно было отслеживать только перемещение известных и легко идентифицируемых личностей (таких, как отец русского либерал-консерватизма г-н Гучков и будущий царь Кирюха), а теперь эти деятели, независимо от калибра, все как на ладони.

Итак, тихо! Начинается...

– Господа, – сказал Александр Гучков, – я собрал, вас потому что буквально только что нам стало известно, что завтра, порядка десяти утра, царь Николашка со своей царицей-немкой собираются совершить визит в столицу с намерением посетить Николаевский военный госпиталь. Сейчас или никогда, поскольку в ближайшее время таких визитов больше не ожидается. Раньше он довольно часто ездил к своей матери в Елагин дворец, но уже больше месяца назад та куда-то пропала, и теперь наш любитель разных чудотворцев почти никуда не кажет носа из Царского Села.

– Нам тоже известно об этом визите, – цедя слова сквозь зубы, произнес генерал-лейтенант Зилоти, – и мы к нему подготовились. На путях у Императорского павильона Царско-сельского вокзала, куда прибудет царский поезд, прямо напротив красной дорожки, как раз на такой случай некоторое время назад под видом ремонтных работ был заложен мощный тротиловый фугас с электрической детонацией, провода от которого были выведены в потайное место. Осталось только подсоединить батарею и в нужный момент замкнуть контакты. Наши офицеры-минеры уверяют, что в щепки разнесет весь царский вагон, а уж царь и царица, которые окажутся прямо над фугасом, никак не смогут уцелеть. Сразу после взрыва на место террористического акта, произведенного агентами кайзера Вильгельма, прибудет законный наследник престола и, убедившись в смерти своего кузена, издаст манифест о своем восшествии на престол.

– Но ваш цар Николай уже издал Манифест, в который назначил себе в наследник свой дочь Ольга, – с жутким акцентом произнес месье Боссе. – Наверное, он о чем-то догадался, потому что раньше он хотел делать наследник только сын Елисей, несмотря на то, что тот сильно болен и может не дожить до взрослый возраст.

– Это все ерунда, – отмахнулся Гучков. – Женщина на престоле – это нонсенс, и ничего подобного в России не было уже больше ста лет. Даже если глупая девица попробует предъявить свои права, то ее просто никто не станет слушать. Тут главное – не мешкать и действовать, прежде чем хоть кто-то опомнится. Сначала императору Кириллу Первому присягнет Гвардейский флотский экипаж, а потом он начнет принуждать к тому же другие части гарни-

зона столицы. Военный министр Сухомлинов верен союзническому долгу перед Францией, а потому втайне на нашей стороне. Как только станет ясно, что Николашка сдох, он тут же приведет под руку императора Кирилла Первого военное министерство и всю армию...

– Вы можете не беспокоиться, месье Боссе, – подкрутил ус будущий царь Кирюха. – Взойдя на трон, Мы немедленно отменим операцию в Проливах и наступление на Австрию, перебросив основные силы нашей армии на Германский фронт. И вот тогда кузен Вильгельм у наших чудо-богатырей спляшет кадрили...

– А что вы будете делать, если господин Артанский князь будет немного возражать против ваших решений? – спросил французский офицер. – Меня, видите ли, послали к вам сюда из Парижа, едва только в Восточной Пруссии, как это у вас говорится, полетели клочки по закоулочкам, и то я едва успел попасть с корабля на бал. Мой пароход был последний, который прошел через Босфор, перед тем как османы прервали там судоходство.

– Артанский князь может проваливать к черту или куда захочет, потому что нам уже известно, что он никогда и ни за что не выступит против русского государства, которое с момента смерти нынешнего царя Николашки будет олицетворять законный император Кирилл Первый, – отпарировал Александр Гучков под аккомпанемент отдаленных громовых раскатов. – У подобных ему людей чести слабым местом является крайняя политическая негибкость, происходящая от слепой верности своему слову и неукоснительного следования принципу легитимизма. Император Кирилл Первый сразу заявит ему, что Россия не нуждается в подобных сомнительных союзниках, и укажет на дверь, как это и положено делать с выскочками и самозванцами.

– Именно так, господин Гучков, – подтвердил кандидат от заговорщиков на русский трон. – Мы не станем ни о чем договариваться с этим человеком, а прикажем гнать его палками. Ведь тот, кто провозгласил свое равенство с нижними чинами, в наших глазах сам не лучше нижнего чина.

– Ну хорошо, Великий дюк Кирилл, – сказал месье Боссе. – Хоть это звучит не очень демократично, ха-ха-ха, но я вам верю. Пусть будет так, как вы сказали, главное – организовать сильный натиск на Германию с востока. Генерал Жоффр считает, что после нашего успеха в битве на реке Сена следующий сокрушительный удар по бошам должны нанести русские солдаты, а ваш император и его дядя от этой священной обязанности уклонялись. Франция – это светоч европейской цивилизации, и спасти ее от гибели разорения – долг каждого культурного человека в мире.

– Мы выполним свой союзнический долг, – заявил глава заговорщиков, рассчитывавший на должность всемогущего председателя правительства при бессильном монархе, да еще к тому же хроническом алкоголике, – но и нам тоже будет нужна помощь. Предыдущее правительство очень плохо подготовилось к войне, и очень скоро у нас наступит нехватка всего необходимого, в первую очередь снарядов и патронов. Этим вопросом нужно заняться как можно скорее, потому что иначе наше наступление не будет иметь перспектив.

Француз посмотрел на Гучкова как на идиота. Даже если бы Франция могла выделить снаряды для русской армии, то доставить их к месту боев в короткие сроки не было никакой возможности. Южный путь через Средиземное и Черное моря закрылся в связи с вступлением в войну Османской империи. Северный путь через Архангельск закроется в течение ближайшего месяца в связи с ледоставом на Северной Двине и Белом море. Путь вокруг всей Евразии, через Суэцкий канал, Индийский и Тихий океаны и далее по Транссибу в Европейскую часть России – настолько длинный и медленный, что пройдут месяцы, прежде чем отправленные из Франции снаряды доберутся до фронта боев с Германией...

Но ничего такого офицер Второго Бюро диким славянским варварам говорить не стал.

– Вы можете быть уверен, что я доложу о вашей проблеме в Париж, – твердо произнес он, – и там обязательно придумают, как вам помочь. Вы только сделайте свое дело, а мы будем

делать свое. А сейчас давайте закончим наш разговор и пойдем слушать ваш замечательный русский романс, потому что это очень красиво.

Семьсот сороковой день в мире Содома. Поздний вечер. Заброшенный город в Высоком Лесу, Башня Терпения.

Полковник службы безопасности Бригитта Бергман и Владимир Ильич Ульянов-Ленин

– Это просто архиомерзительно! – воскликнул Ильич, когда Бригитта Бергман закрыла просмотровое окно. – Царь Николай, конечно, не самый лучший правитель для России, но эти, которые сейчас так непринужденно стоваривались о его убийстве, оказались стократ хуже. А этот Гучков, каков гусь – политической гибкости ему захотелось!

– Гучков – типичный представитель своего класса, жадный и неумный, – сказала Бригитта Бергман. – Умные держатся от этого зловонного дела в стороне. Впрочем, в той компании хороши все, за исключением месье Боссе, который никого не предает, а просто честно выполняет приказы своего безумного руководства. Вот тут простор для проявления политической гибкости со стороны товарища Серегина просто необыкновенный, потому что он ничего этим людям не должен и ничего им не обещал. На первых порах он не хотел выступать на стороне кайзера Вильгельма даже на Западном фронте, поскольку такого хода не поняли бы его русские и сербские союзники, но это препятствие будет устранено после того, как под русским царем и его царицей по приказу французских властей взорвется бомба. И вот тогда французские Ротшильды и служащие им продажные политиканы поймут, что раньше было совсем не плохо, а настоящий ужас наступил только сейчас.

– И вы, товарищ Бергман, конечно же, чрезвычайно довольны таким исходом событий? – воскликнул товарищ Ульянов-Ленин, фирменным жестом заложив большие пальцы рук за проймы жилета.

Та в ответ посмотрела на вождя мировой революции своим пронизывающим профессиональным взглядом, от которого тому стала не по себе, и ответила:

– Конечно же, я довольна тем, что товарищ Серегин собирается взять шефство над местной Германией, ибо немцы вашего мира для меня люди не чужие. Там, на Западном фронте, в окопе сидит мой отец Пауль Бергман, а моя мать Мария трудится работницей на швейной фабрике. Я чувствую сродство не только со своими родителями, но и со всеми прочими своими соотечественниками, и чрезвычайно рада, что теперь их будущее изменится, и ужас нацизма никогда не наступит на немецкой земле. И то же самое, только не так остро, чувствуют и другие Верные тевтонского происхождения. Я – одна из них, а потому услышала их облегченный вздох в тот момент, когда наш Патрон сообщил, что собирается позвать кайзера Вильгельма в свои вассалы. Но вам, наверное, этого не понять, ведь вы считаете себя человеком мира и не ощущаете своего родства ни с одним народом.

– Да, – с вызовом ответил Ильич, – не ощущаю, ибо детство мое было наполнено издевательствами и насмешками. Да вы и сами об этом знаете. С одной стороны, в моей семье мордва и крещеные калмыки, с другой, обрусевшие немцы да шведы. Вот и получился Володя Ульянов без роду без племени. Несмотря на то, что мой отец выслужил очень высокий чин, дающий наследственное дворянство, симбирское общество не считало нашу семью за ровню, и в свои гимназические годы я ощутил это на собственной шкуре. Детки купцов и чиновников относились ко мне с оскорбительным пренебрежением, как к сыну выскочки и «калмыку», и единственное, чем я мог утереть им нос, это своим отличием в учебе. Вы даже представить себе не можете, как я их тогда ненавидел...

– Симбирское общество, в котором вращалась ваша семья, было ничуть не лучше того, что мы с вами сейчас наблюдали через просмотровое окно, только губернского, а не столичного масштаба, – назидательно сказала Бригитта Бергман. – К русскому или какому другому

народу эти люди не имеют никакого отношения, поскольку они – не более чем грязная пена над людской массой. Стоит подуть ветру перемен – и вы не найдете от них и следа. При этом и ваш знакомец детства Саша Керенский тоже где-то среди заговорщиков, только пока не на первых и не на вторых, а на третьих-четвертых ролях. Кстати, то, что мы сегодня видели, принципиально ничем не отличается от того, как вели себя некоторые ваши высокопоставленные партийцы, тоже склонные к заговорам, переворотам и убийствам своих лидеров. В этом ряду и весьма сомнительное покушение на вас в восемнадцатом году, и загадочная смерть вашего ученика товарища Кобы, и та мерзость, которую учинил товарищ Хрущев над его памятью, и то, как несколько раз пытались свергнуть самого товарища Хрущева. Но самая главная катастрофа случилась тогда, когда ваша разложившаяся партия предала коммунистическую идею, сдала позиции и растворилась в пространстве, как будто ее не было, потому что изменниками дела большевизма оказалось даже ее высшее руководство.

– Тут вы правы, товарищ Бергман, – вздохнул Ульянов-Ленин. – Теперь мне очевидно, что сама по себе, только от одной перемены социальной формации, человеческая сущность совершенно не меняется. Чтобы создать нового коммунистического человека, требуется приложить огромное количество труда, а не надеяться, что он появится сам собой.

– Коммунистические люди в вашем новом обществе были, а иначе Советская Россия под руководством товарища Кобы не смогла бы победить Третий Рейх Адольфа Гитлера, – убежденно произнесла Бригитта Бергман. – Но, к сожалению не они определяли у вас политику партии и правительства, ибо им совершенно несвойственно стремиться к власти любой ценой. Однако их антиподы обладают проникающими свойствами жидкого гелия и способны пробраться во все уголки властной машины, вытесняя оттуда настоящих большевиков – иногда просто по возрасту, а иногда путем доносов и интриг. Вон, ваш товарищ Горбачев: сделал большую карьеру – от рядового сперматозоида, каких миллионы, до Генерального Секретаря Коммунистической Партии Советского Союза...

– Уели вы меня, товарищ Бергман, уели! – засмеялся Ильич мелким дребезжающим смехом. – Воистину такой человек всю жизнь остается сперматозоидом, не меняя своих повадок. Впрочем, товарищ Серегин уже имел со мной множественные беседы с целью организации в партии механизмов, которые не допустят ее повреждения этими двуногими жуками-короедами. И мы по этому поводу обязательно что-нибудь придумаем, не можем не придумать. К этому нас побуждает мир товарища Половцева, где к началу двадцать первого века партия большевиков сохранилась во вполне дееспособном состоянии и продолжает высоко держать алое знамя дела Ленина-Сталина. Наверное, и в самом деле необходимо отодвинуть Маркса с Энгельсом на позиции идейных предшественников, вроде социалистов-утопистов, и вместо их идейного багажа сомнительного мелкобуржуазного происхождения использовать наработки мира товарища Половцева и самого товарища Серегина, создавшего из своих Верных воистину коммунистическое общество.

– В таком случае, – хмыкнула Бригитта Бергман, – вам необходимо как можно скорее выводить на позиции лидера партии товарища Кобу с его харизмой вождя. Именно он сможет призвать под знамена только Верных, и больше никого, а кроме того, вас эта роль убьет за пару-тройку лет, а его хватит ровно настолько, сколько будет действовать заклинание перманентной регенерации.

– Я это уже понял, товарищ Бергман, – вздохнул вождь мирового пролетариата. – И, хоть с неодолимой силой тянет меня залезть на трибуну и прокричать оттуда: «Социалистическая революция свершилась, товарищи, а теперь бабам цветы, а детям мороженое!», но пожить подольше при этом тоже хочется. Товарищ Лилия совершенно определенно сказала, что если я буду вести тот же образ жизни, что и в так называемом Основном Потоке, то мне не поможет даже самое мощное заклинание регенерации, ибо непрерывное разрушающее воздействие будет превосходить способность организма к восстановлению. Нет уж, я пас, при таких меди-

цинских показаниях лучше заняться чисто теоретической работой или занять какую-нибудь тихую и незаметную должность. Товарищ Ольга уже говорила, что после своего воцарения хочет предложить мне пост министра труда и социального развития.

Бригитта Бергман еще раз внимательно посмотрела на него и сказала:

– Вот это, товарищ Ленин, будет наилучший вариант. А сейчас нам необходимо доложить обо всем товарищу Верховному Главнокомандующему, ибо информация, которую мы узнали, не терпит отлагательств.

Полчаса спустя. Зброшенный город в Высоком Лесу, площадка для танцулек. Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский

Известие о том, что покушение на царя Николая состоится уже завтра, застало меня среди шумного бала, то есть на танцульках. Я с Елизаветой Дмитриевной, Михаил Александрович с Коброй, Ольга, Татьяна и Коба сидели за соседними столиками и смотрели, как отрывается наша молодежь. При этом было видно, что Ольга смотрит на происходящее абсолютно спокойно, время от времени перешептываясь со своим кавалером, а вот Татьяну так и подмывает сорваться с места и кинуться в самую гущу пар, отплясывающих акробатический рок-н-ролл. Но, к ее сожалению, и положение царской дочери заставляет игнорировать подобные развлечения, и физическая подготовка у нее еще совсем не та, и надежного партнера, который бы подкинул ее в воздух, а потом не забыл поймать, поблизости тоже не наблюдается. Костя Рокоссовский далеко, да и совсем не факт, что у них что-то сростется.

Тут же, совсем неподалеку, за столиком расположились проходящие курс омоложения и оздоровления британский король Эдуард, королева Александра и дочь их Виктория. Кавалером у нас Тори еще не обзавелась (да и куда ей спешить), а вот ее папаша, отвернувшись от поджимающей губы половины, с завистью смотрит туда, где сидит изрядно помолодевший японский микадо Муцухито в окружении сразу трех бывших мясных, похожих на ярких экзотических птиц. Всеми делами в Японии тысяча девятьсот пятого года заправляет маркиз Ито Хиробуми, а потомок богов взял длительный отпуск – не только на поправку здоровья, но и для укрепления нервов, расшатанных долгим правлением. Он – один из немногих, кто в состоянии проживать в башне Власти и не иметь от этого никаких неприятных последствий.

И вот в этот благодный, можно сказать, момент, прямо возле нас из портала появляется Бригитта Бергман, а с ней – весь какой-то встрепанный Ильич. Вообще-то такие мгновенные перемещения внутри Запретного города считаются у нас нежелательными (исключение сделано только для Лилии, которая сама устанавливает себе правила), но я подумал, что, видимо, на этот раз в связи со срочностью информации Дух Города дал нашей Снежной Королеве разрешение на такую эскападу.

Появившись из портала, Бригитта Бергман останавливается, осматривается, а потом решительным шагом направляется в мою сторону, имея позади едва поспевающего за ней товарища Ульянова-Ленина.

– Товарищ Верховный Главнокомандующий, – негромко, но четко сказала наша начальник Службы Безопасности, – нам только что стало известно, что попытка убийства русского царя состоится уже завтра в десять часов утра по Петербуржскому времени. У Императорского павильона Царскосельского вокзала, куда прибудет поезд из Царского Села, некоторое время назад под видом ремонтных работ был заложен мощный тротильный фугас с электрической детонацией. Как считают сами заговорщики, мощности фугаса вполне достаточно для того, чтобы полностью уничтожить царский вагон и убить всех, кто находится внутри.

– Да, товарищ Серегин! – воскликнул Ильич. – Примерно часом ранее мы имели честь наблюдать восхитительнейший гадюшник, просто набитый самыми разнообразными ядовитыми тварями, которых нынешний царь умудрился пригреть на своей груди. На фоне этого человеческого серпентария мы, большевики, выглядим просто душками.

– Душками, – сказал я, – вы станете только после того, как из ваших рядов будут вырваны все большие и маленькие Зиновьевы, Троцкие и Свердловы. Говоря об этом, я имею в виду только идею национальной исключительности, впитанную этими людьми с молоком матери. Такие умонастроения отдельных ваших товарищей прямо противоречат большевистской уставке на создание партии трудящихся, не разделенной на секции по признакам нации, вероисповедания или рода занятий. Любой иной путь рано или поздно приведет вас к развоплощению, распаду и окончательному краху. Впрочем, в настоящий момент будущее большевистской партии – это отнюдь не первоочередная тема нашего разговора. Сейчас необходимо срочно собрать всех причастных и выработать конкретный план действий, так как времени до решающего момента у нас осталось всего ничего. А потом события поскочат галопом, только успевай махать шашкой направо и налево. По счастью, большая часть необходимых людей находятся прямо здесь, и за ними не придется далеко ходить. Кого тут не хватает – так это лишь Димы Колдуна, ибо мальчик в соответствии со своим возрастом уже отправился спать.

Впрочем, те, кого я имел в виду, и без дополнительных подсказок поняли, что внезапное появление Бригитты Бергман на пару с Ильичом означает, что роковой перелом, который мы обсуждали накануне, наступит в самой ближайшей перспективе. Невидимые слуги сдвинули столики, и мы прямо на месте устроили импровизированное совещание. Выслушав сообщение моей начальницы службы безопасности, Ольга сразу стала как-то по-особенному суха и деловита, и я понял, что сейчас я вижу будущую Ольгу-императрицу, мать Отечества и любимицу всего многонационального российского народа.

– ПапА и МамА, скорее всего, уже спят, – сказала она, глянув на амулет, показывавший время и в Тридесятом царстве и в Петербурге четырнадцатого года, – но будить их по такому поводу и можно, и нужно. Я сама свяжусь с ними и объясню ситуацию, а уж вы обеспечите их прибытие на наш срочный консилиум. Конечно, было бы желательно переместиться в ваш кабинет, но на это, насколько я понимаю, совершенно нет времени.

– Вы все правильно понимаете, Ольга, – ответил я. – Идти туда ногами действительно слишком долго, а прыгать через порталы туда-сюда в Запретном городе у нас считается неправильным. И еще. Александра Федоровна нам здесь не нужна; если не она не захочет принимать участия в завтрашней операции, пусть скажется больной, и это не вызовет у шпионов Гучкова никаких подозрений, ибо в прежние времена ваша маман чаще болела, чем чувствовала себя здоровой. Зато вместе с Николаем Александровичем нам здесь нужен будет начальник его охраны полковник Спиридович. Ведь это ему и его людям первыми, еще до нашего прибытия, предстоит вплотную столкнуться с заговорщиками, и при этом не понести ненужных потерь. Готовить для охраны такие же амулеты, как и для вас всех, у нас просто нет времени.

– Как минимум два офицера охраны должны находиться рядом с ПапА и МамА в тот момент, когда они будут выходить из вагона, – сказала Татьяна, пока Ольга через «портрет» мысленно связывалась со своими родителями. – Если их не будет, у дяди Кира, чтоб его черти насмерть заели, сразу возникнет мысль, что что-то идет совсем не так, как они планировали.

– Насколько я понимаю в этом вопросе, – хмыкнула Кобра, – для телохранителей, непосредственно обеспечивающих безопасность Николая Александровича и Александры Федоровны, можно быстро изготовить упрощенные амулеты без внешней подпитки, с одноразовым заклинанием стасиса, синхронизированные с амулетом одной из охраняемых персон. Их наш Дима с утра сможет сделать, можно сказать, на коленке. Простейшая же конструкция. Всем остальным чинам охраны следует держаться от эпицентра взрыва как можно дальше, и начать действовать только после того, как заговорщики проявят свой звериный оскал.

– Это интересная мысль, – сказал я. – И вот еще что. Остальным людям Спиридовича следует выдать бронежилеты производства «Неумолимого», а группу захвата для блезире необходимо одеть в защитные штурмовые комплекты со штурмоносца Елизаветы Дмитриевны.

Атрибутика там вся правильная, имперско-российская. В сорок первом году такое применять нежелательно, а тут пойдет просто за милую душу.

– И нас с Ольгой вы тоже хотите одеть в штурмовые комплекты? – ужаснулась Татьяна, прижав ладони к щекам. – Но это же неприлично!

– Прилично-прилично, – вместо меня ответила Кобра, – а неприлично будет, если у одной из вас во время перестрелки сработает заклинание стасиса, и вы застынете в какой-нибудь дурацкой позе, пока не придет Дима и не снимет заклинание. В конце концов, я же не стесняюсь того факта, что у меня тоже две ноги, как и у всех остальных людей, и вам тоже рано или поздно придется преодолеть этот мысленный барьер. Платья хороши на балах, а для походов ничего лучше штанов еще не придумали.

– А неужто мы будем в походе? – недоумевая, спросила Татьяна.

– Да, мы будем в походе, Тата, потому что дядя Кир – это еще тот вражина, – вместо нас ответила Ольга, засовывая «портрет» отца в кармашек платья и добавила: – Папа и Мама сообщили, что вместе с полковником Спиридовичем они будут готовы минут через сорок. Тогда вы, Сергей Сергеевич, сможете их забрать из Царского Села сюда. И это время, как я думаю, лучше потратить на то, чтобы ножками-ножками переместиться в ваш кабинет в башне Силы, ибо мизансцена тут несколько неподходящая для серьезного разговора. А это важно.

– Так и есть, Ольга, – согласился я. – Если Николай Александрович и Александра Федоровна нас уже знают и понимают, что мы серьезны в любой обстановке, то господина Спиридовича в этом еще придется убеждать, а на такое у нас сейчас просто нет времени. Идемте, товарищи.

Сорок пять минут спустя. Зброшенный город в Высоком Лесу, Башня Силы. Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский

Мы успели как раз вовремя. Едва я вошел в свой кабинет и там вспыхнул парадный свет вместо дежурного, как Ольга достала из кармашка «портрет» Николая Александровича и сказала:

– Сергей Сергеевич, они готовы, открывайте портал.

Войдя ко мне в кабинет, гости зажмурились. По ту сторону портала, пока он не закрылся, было видно полутемное помещение, озаренное только газовыми, или весьма маломощными, электрическими светильниками, а у меня магическое освещение сияло как в солнечный полдень. Оставляя императрице Дагмаре Бахчисарайский дворец, я перенес в Тридесатое царство всю натуральную обстановку того кабинета, заменив ею точную магическую имитацию. Все-таки мне хочется сидеть на настоящих стульях за настоящим столом, а не использовать с этой целью овеществленные заклинания. Дух Города немного поворчал в ответ на эти требования и... подчинился.

– Итак, – сказал я, когда глаза гостей привыкли к яркому свету, и они расселись за столом, – сейчас у нас состоится Военный Совет, вы сами знаете по какому поводу. Заговорщики решились перейти Рубикон, у нас тоже все готово для ответного хода. Госпожа полковник, вам слово.

Бригитта Бергман четко и ясно изложила суть дела, особо акцентируясь на ролях господина Гучкова (французская команда) и Великого князя Кирилла Владимировича (британский протезе). Потом, немного подумав, она добавила, что в феврале семнадцатого расстановка сил была похожей, и, более того, царь Кирюха арестовал царское семейство еще до отречения императора Николая, что само по себе было актом государственной измены.

Николай Александрович слушал мою начальницу службы безопасности спокойно, ибо был хорошо осведомлен о планах обитателей Санкт-Петербургской великосветской клоаки, а вот Александре Федоровне было при этом рассказе не по себе. Она нервически подергива-

лась, кусала губы и, кажется, даже хотела заткнуть руками уши, что в нашем обществе было бы совсем неприлично.

– Ники! – воскликнула она. – Вот видишь, до чего довела твоя мягкотелость! Если бы ты еще два года назад бросил в тюрьму этого мерзкого Гучкова по обвинению в Оскорблении Величеств, то ни сейчас, ни тем более в семнадцатом году, ничего бы не было.

– Сударыня, – сказал я в ответ, – свое право самовластного монарха, вольного карать и миловать подданных, ваш супруг утратил по итогам так называемой первой русской революции. Да и прежде оно не особенно ему помогало, так как для того, чтобы им воспользоваться, нужно уметь отличать добро от зла под любыми личинами. У него прямо под боком на теле государства назревали два тяжелых нарыва, а он так ничего и не понял.

– Два нарыва? – спросила императрица. – И кто же это, позвольте узнать?

– Нарыв первый, идеологический – это господин Победоносцев! – ответил я. – Этот человек изо всех сил сдерживал социальное и промышленное развитие России, и это на том отрезке времени, когда все мировые державы изо всех сил готовились к схватке за мировое господство. Франция стремилась к реваншу за поражение в франко-прусской войне, Германия и Австро-Венгрия разрабатывали планы превентивного нападения на своих противников, и только в Российской империи дела шли ни шатко, ни валко. Из-за этого ваше промышленное производство накануне войны в семь раз уступало германскому по валу и в тринадцать раз на душу населения. Впрочем, на эту тему мы с Николаем Александровичем уже разговаривали, а ваша дочь Ольга уже заучила все нужные рецепты назубок. Или Россия станет величайшей из всех промышленных держав, или ее сожрут и не подавятся. Нарыв второй, финансовый – это господин Витте. Если министр финансов Российского государства озабочен не укреплением этих финансов и улучшением благосостояния самых широких слоев населения, а развитием абстрактного капитализма, то такого обалдуя нужно отстранять от должности, а потом, после тщательного расследования, вешать высоко и коротко.

Царица хотела было что-то возразить, однако супруг мягко, но решительно пихнул ее локтем в бок.

– Уймись, Аликс! – тихо сказал он. – Над нашими головами нависла смертельная опасность, но ты, безумная, все равно пытаешься спорить с Господним Посланцем, который все знает лучше тебя. В столь поздний час мы собрались здесь только затем, чтобы выслушать план господина Серегина, составленный для нашего спасения, и ни для чего более.

– Кстати, – хмыкнул я, – начало информационной кампании Гучкова против вашей семьи еще два года назад может значить только то, что и февраль семнадцатого, и нынешняя эскапада – это не эксцесс исполнителя и не скоротечный экспромт, повторенный в сходных условиях, а изначальная часть французского политического плана войны за мировое господство. Сначала руками русских солдат разгромить Германию и поставить ее на колени, а потом при помощи своей клиентелы разложить и уничтожить Россию изнутри. Только теперь им требуется менять пункты плана местами: сперва государственный переворот в Петербурге, и только потом попытка разгрома немецкой армии ударом с востока. Впрочем, для нас сейчас это не имеет никакого значения, потому что ничего подобного мы допускать не собираемся. Просто имейте в виду, что договариваться о чем-то с англичанами и французами не просто бессмысленно, но и смертельно опасно. Они непременно найдут способ воткнуть вам в спину нож, и не единожды.

– Именно поэтому, как только мы разорвем союзнические отношения в рамках Антанты, вы собираетесь взять кайзера Вильгельма в свои вассалы и показать нашим бывшим союзникам, куда на зиму улетает мать Кузьмы? – спросил император Николай.

– Да, именно поэтому, – согласился я. – Когда я уйду на верхние уровни Мироздания, тут у вас должны воцариться тишь да гладь, да Божья благодать. Если все проделать достаточно быстро, то общее количество жертв этой войны должно быть на порядок меньше,

чем в Основном Потоке, а установившийся мир гораздо прочнее, ибо побежденные уже не будут иметь никакой возможности для реванша. И немаловажное соображение: Североамериканские Соединенные Штаты не сумеют нажиться на военных заказах Антанты, и тем самым выйти в число великих мировых держав. Все дальнейшее будет делом вашей дочери Ольги и ее супруга Иосифа, ибо это им превращать отвоеванную мной фору в доминирующее положение Российской империи на планете. Я думаю, что они с этой работой справятся.

– Да, Папа, – подтвердила Ольга, – нам это дело вполне по силам.

– Ну хорошо, – сказал Николай Александрович, – в общих чертах ваш план приемлем, ибо какой мерой мерили нам господа союзнички, такой и вы можете отмерять и им самим, у нас тут от этого никто не заплачет. А сейчас мы хотели бы знать, что вы намерены делать в связи намеченным на завтра покушением на нашу высочайшую особу?

– Предварительно мы с вами это уже обсуждали, – ответил я. – Вы с супругой надеетесь защитные амулеты, сядете в поезд и поедете до конечной станции. Там гремит взрыв, при этом срабатывает заклинание стасиса, и вы остаетесь невредимы во вдребезги разрушенном вагоне, только немного недвижимы, ибо уже наложенный стасис можно снять только вручную. На этот шум, посмотреть на ваши трупы, сбегается вся верхушка заговора, иначе они не могут, и тут появляемся мы, имея при себе до зубов вооруженную команду силовой поддержки, кладем всех присутствующих мордами на перрон, после чего снимаем с вас защитное заклинание и начинаем разбор полетов на месте. Или вы предпочтете, чтобы вас заменили подставными лицами, на которых графиня Зул бин Шаб наденет ваши личины?

– Да нет уж, Сергей Сергеевич, – невесело усмехнулся Николай, – никаких подставных. Больше всего сейчас я мечтаю увидеть морду кузена Кира в тот момент, когда вы снимете с нас заклинание этого своего стасиса, и он поймет, куда его завели мечты о троне.

– Но, Ники! – воскликнула Александра Федоровна. – Это же может быть опасно!

– Я уже сорок шесть лет Ники! – огрызнулся император. – Двадцать лет я правлю Россией, но, Сергей Сергеевич прав, все у меня шло вкривь и вкось. Так что хватит! Моя главная задача, и как императора и как отца – передать престол дочери таким образом, чтобы ни одна собака потом не могла сказать, что она настоящая императрица. И самое важное в этом деле – ликвидировать всех прочих претендентов на престол, в первую очередь кузена Кира. В той, другой истории, выступив на стороне заговорщиков, своим неумеренным властолюбием он обрек нашу семью на страшную гибель, а Россию – на ужасающие испытания и жертвы. Как я уже понял, тогда, в феврале, он тоже рассчитывал стать революционным императором Кириллом Первым, да только господа демократы прокатили его на бобах, так как с самого начала собирались устроить в России Республику с собой во главе. В книгах, которые нашим дочерям дали в местной библиотеке, вся та история описана ярко и очень откровенно. И вот здесь, где Сергей Сергеевич постарался как можно тщательнее устранить все предпосылки для возникновения этой, как его, революционной ситуации, они снова пытаются устроить революцию там, где ее, по всем законам марксизма, быть просто не могло. Не так ли, господин Ульянов?

Ильич вскочил со своего места и, наклонившись к собеседнику, заложил большие пальцы за проймы жилета.

– Да, это так, господин Романов! – воскликнул он. – Революционной ситуации сейчас в России нет и быть не может, ибо товарищ Серегин пообещал бить палкой по голове любого, кто сделает хоть полшага в этом направлении, в первую очередь архитупорылых генералов, в другой истории сотнями тысяч без всякого толка укладывавших русских солдат в могилы. Война без жертв невозможна, но сейчас русские армии, даже неся потери, идут вперед к победе, а не топчутся на месте и не отступают после фактически выигранных сражений. Никакой бессмысленной кровавой бойни с миллионами жертв нет и не предвидится, а значит, не будет и предпосылок к буржуазной революции февральского типа, когда обманутым оказался не только ваш наивный кузен, но и самые широкие народные массы. При этом дол-

жен заметить, что всех этих людей: чиновников, министров и генералов, которые вас предали и сейчас хотят убить, вы лично выпестовали и пригрели на своей груди, и за это должны нести ответственность перед историей!

– О своей ответственности я помню, – тихо сказал Николай, – а потому считаю себя обязанным принять план Сергея Сергеевича. Ты, Аликс, как хочешь – если боишься, то можешь сказать больно, и никто ничего не заподозрит, но я завтра сяду в поезд и отправлюсь навстречу своей судьбе...

– Но, Ники! – всплеснула руками императрица. – Куда же ты без меня? Если ты так решил, то я тоже отправлюсь вместе с тобой, и если нам суждено погибнуть, то пусть это случится в одно и то же время!

– Ни о какой гибели речь не идет, потому что мои методы абсолютно надежны, – сказал я. – Иначе я постарался бы придумать какой-нибудь другой, не столь опасный план.

– Скажите, господин Серегин, вы и в самом деле уверены в успехе своей авантюры? – спросил меня молчавший до того Спиридович.

– В своих методах я уверен абсолютно, – ответил я. – Вон сидят Великие княжны Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна, на сотрудничество с которыми у меня большие планы. Но если по моей вине что-то случится с их родителями, то мы сразу станем врагами. И то же самое касается Великого князя Михаила Александровича. Несмотря на девяносто девять процентов немецкой крови, все они чисто русские люди, для которых слова «брат», «Папа» и «Мама» не пустой звук.

– Да, мы такие, – вызовом в голосе произнесла Ольга, – и верим Сергею Сергеевичу только потому, что знаем, что он всегда исполняет то, что обещал. Такая тут у него репутация! Если он говорит, что наши родители останутся невредимыми даже при взрыве фугаса, то значит, так и будет.

– Кстати, Александр Иванович, – сказал я, обращаясь к полковнику Спиридовичу, – вы и ваши люди, что будут сопровождать царскую чету в поездке, тоже не останетесь без моей защиты. Сотрудники ближней охраны, закрывающие царя и царицу своими телами, тоже получают защитные амулеты с заклинанием стасиса, но только одноразовые и без прочих функций – вроде истинного взгляда и распознавания лжи и ядов...

– Погодите, Сергей Сергеевич, – прервал меня начальник императорского летучего охранного отряда, – скажите, а что такое этот ваш «стасис»?

– Это банальная остановка времени для защищаемого объекта или субъекта, ответил я. – Через пленку нулевого времени не в состоянии пробиться ни один вид энергии, ни в каком количестве, именно поэтому такое заклинание и считается абсолютной защитой. Правда, и то, что защищено стасисом, переходит в состояние абсолютной пассивности, потому что время для него стоит. Говорят, что в магических мирах бывали прецеденты, когда защищенного таким образом полководца победившие враги попросту хоронили заживо, да еще приваливали камнями, насыпая сверху курган. И поделом. Люди, выбравшие своей стезей воинское дело, должны сражаться вместе со своими солдатами, а не прятаться от опасности в раковину. Понятно?

– Да, вполне, – ответил Спиридович, но тут же спросил: – А что будет, если фугасом попытаются взорвать уже вас?

– В лучшем случае, – сказал я, ощущая знакомую щекотку в области темечка, – я кроюсь заклинанием стасиса, а потом на место преступления придут мои друзья и размечут там все в прах. Одна Ника-Кобра, если разозлится, обладает огневой мощью вашего самого современного дредноута. Да и мой Патрон тоже подсыплет в эту огненную кашу своих молний, потому что специальные исполнительные агенты находятся под его прямой защитой. В худшем случае я просто не успею закрыться стасисом, так как он у меня не настроен на автоматическое срабатывание. Тогда я утрачу свое земное тело, превратившись из младшего в старшего архан-

гела, и для покушавшихся, их ближних и дальних родственников, а также единомышленников, все будет очень печально, значительно хуже, чем в первом варианте. Разъяренный утратой человеческой сущности новопроизведенный старший архангел – это страшно, особенно в моем случае. У меня среди людей останутся любимая жена и маленький сын, поэтому тем, кто лишил их мужа и отца, я объявлю такую кровавую вендетту, что даже доны сицилийской и неаполитанских мафий, сколько их ни было во все времена, повывлезают из ада, чтобы полюбоваться на разгул необузданной стихии. И не надо говорить мне о том, что устранять виновных целыми племенами и народами – это неправильно. Старшие архангелы мыслят совершенно в других категориях. Именно поэтому специальные исполнительные агенты – это всегда люди, достигшие архангелоподобия, а не бесплотные сущности, своей мощью способные сотрясать небо и землю.

Мой голос громыхал, перекатываясь волнами, и тот, кто задал мне этот дурацкий вопрос, выпустивший архангела на свободу, сидел, сжавшись в комок, ни жив, ни мертв. И в самом деле, что-то я уж слишком разошелся: демонстрация атрибутов пугает уже не только Спиридовича, но и прочих присутствующих, за исключением, пожалуй, моих соратников и... Ольги, потому что та не чувствует за собой никакой вины. А остальные, значит, хоть немного, но грешны – если не делом, то мыслью. Этот момент надо запомнить.

– Значит так, – сказал я Спиридовичу, когда архангел наконец успокоился и втянулся внутрь моего «Я», – я желаю – нет, я просто настаиваю – чтобы, когда все закончится, этот разговор стал достоянием газетных писак. Всех заинтересованных лиц необходимо предупредить, что убить меня по-настоящему невозможно, и что даже попытка такой глупости приведет их к тягчайшим последствиям. Вы меня поняли? Ну вот и замечательно! Все остальное – завтра утром в Царском Селе.

2 октября (19 сентября) 1914 года, 9:30. Царское село, железнодорожный вокзал, Императорский Павильон.

Артанский князь Серегин прибыл к отправлению царского поезда со всей положенной в таких случаях свитой: двумя юными адъютантами, Димой-колдуном, Коброй, Бригиттой Бергман, Анастасией, Ольгой и Татьяной, Иосифом Джугашвили-Сталиным, Великим князем Михаилом Александровичем, а также ротой первопризывных амазонок. Вся эта компания была облечена в темно-серые штурмовые комплекты из мира Елизаветы Дмитриевны, и на фоне антуража начала двадцатого века смотрелась как танки Т-34 среди ратников Дмитрия Донского на Куликовом поле. Царь и царица поначалу даже не признали своих дочерей в общей массе вооруженных до зубов девиц-амазонок, а когда разглядели, то удивились выражению собранности и суровости на их лицах. Даже вечно улыбающаяся Татьяна была на этот раз мрачна и сосредоточена, как перед экзаменом.

– Ни пуха тебе, ни пера, Папа... И тебя, Мама, когда все закончится, я тоже рассчитываю видеть в добром здравии! – сказала она родителям, пока Ольга разговаривала с Артанским князем. – Скорее бы все уже осталось позади, и мы бы могли не волноваться и не переживать.

– Я тоже хочу, чтобы все закончилось как можно скорее, – сказал Николай. – Хоть и уверен я в благополучном исходе, ибо у Сергея Сергеевича по-иному не бывает, но все равно боязно.

Тем временем один из станционных чиновников, увидев необычную суету у императорского павильона, пулей метнулся на телеграф, но, не успев добежать до заветного окошечка, попался в руки двум сотрудникам дворцовой полиции в штатском, которые заломили ему грабли за спину и повели под светлы очи госпожи Бригитты Бергман. Человек этот оказался совестливым: на сотрудничество с людьми Гучкова пошел только в силу бедственного материального положения – жена болеет, дочери бесприданницы, сына надо в гимназию снаряжать,

а денег нет, ибо жалование мелкого чиновника даже ниже, чем заработок квалифицированного рабочего.

«Муки Совести» сразу раскололи этого маленького человечка от макушки и до пупа, так что Бригитте Бергман не пришлось даже и стараться. Впрочем, и знал он совсем немного. Под ледяным взглядом госпожи полковника этот персонаж рассказал, что зовут его Петр Пименов, пожалился на тяжелое материальное положение, и что он за денежку малую должен был сообщать по телеграфу, на какое время приказано приготовить царский поезд и в каком направлении пойдет состав.

– Вот видите, Николай Александрович, – вздохнул Артанский князь, – еще даже не народ, а мелкое чиновничество, кое должно быть неколебимой опорой государства, а уже нищета кромешная... Неправильно это, категорически.

Дальше случилось то, чего никто не ожидал. Бригитта Бергман накинула на шпиона Гучкова заклинания стасиса, и Артанский князь с короткого расстояния выпустил в окаменевшую тушку всю обойму из личного «федорова».

– Вот полюбуйтесь на действие остановленного времени, – сказал он Спиридовичу, – защита абсолютная.

Тот подобрал с земли несколько сплюснутых в грибок пуль, потом провел рукой по местам попаданий и сказал:

– Ну что же, господин Серегин, годится. Искренне надеюсь на то, что и государь с государьней и мои люди после проведения операции останутся целыми и невредимыми.

– А я на это не рассчитываю, а знаю точно, – ответил тот, вручая начальнику охраны царской семьи четыре амулета-медальона, предназначенные для тех телохранителей, что должны будут выйти из вагона вместе с царем и царицей.

Остальным сопровождающим поезд, включая паровозную бригаду, предназначались бронжилеты скрытого ношения производства мастерских «Неумолимого» (а это на пару голов выше, чем мир Елизаветы Дмитриевны).

2 октября (19 сентября) 1914 года, 10:00. Санкт-Петербург, Царскосельский вокзал, Императорский Павильон.

Полюбоваться на то, как на воздух взлетит величайший тиран всех времен и народов, собралась вся верхушка заговорщиков, никто не смог отказать себе в этом удовольствии. Тут и ВК Кирилл, и Александр Гучков, и любитель музыки генерал Зилоти, и генералы Рузский с Алексеевым, и полковник Джунковский (который сразу должен возглавить следствие, пустив его по «германскому» следу), и Алексей Суворин, и месье Боссе. Настроение приподнятое, можно даже сказать, праздничное. Все эти люди убеждают себя и окружающих, что они всю жизнь шли к этому дню освобождения от тирании. Ведь после того, как царь Николай будет взорван, настанет свобода и можно будет все.

Когда где-то вдалеке за Обводным каналом показались дымы паровоза, вся честная компания зашла внутрь Павильона, а на перроне остался только используемый заговорщиками втемную подчиненный Кириллу Владимировичу почетный караул из матросов Гвардейского экипажа. Вот поезд уже совсем близко, в составе всего три вагона: буфет, императорский салон-вагон и вагон для охраны и obsługi. Машинист снайперски останавливает поезд так, что дверь императорского вагона оказывается прямо напротив красной дорожки, ведущей к входу в Императорский павильон. Из открывшейся двери на перрон соскакивают два человека в офицерских мундирах, и еще двое маячат в тамбуре позади царя и царицы, стоящих прямо над фугасом. Сейчас или никогда...

Минер замыкает контакты – и грохочет взрыв, швыряя в небо клуб черного дыма и обломки вагона, разорванного почти напополам. С жалобным звоном вылетели стекла в других вагонах и здании Императорского павильона. Матросов почетного караула сбило с ног

и отчасти контузило. От прямого поражения осколками их уберегло то, что взрыв произошел на путях под перроном, и взрывная волна по большей части ушла вверх, по пути почти полностью разрушив среднюю часть царского вагона. Среди разбитых в щепки досок вагонной обшивки и кожано-тканевой обивки начинает разгораться небольшой пожар, и кто не погиб при взрыве, тот должен сгореть заживо.

Заговорщики выскакивают на перрон, и понимают, что их замысел вполне удался: уцелеть в этом аду не мог никто.

– Поздравляю вас, Ваше Величество, с этого момента Вы – император Всероссийский Кирилл Первый! – торжественно, с придыханием, говорит генерал-лейтенант Зилоти, а просмотровое окно доносит эти слова до Артанского князя и его окружения, в первую очередь до цесаревны Ольги Николаевны.

А Александр Гучков ничего не говорит, и лишь молча показывает туда, где из первого и последнего вагонов появляются чины императорской охраны с пистолетами наизготовку. Вид у офицеров вполне серьезный и решительный, и заговорщики понимают, что они слишком быстро выскочили из Императорского павильона на грохот взрыва, тем самым связав себя с терактом. Ведь по чину из всей этой камарильи тут мог находиться только Великий князь Кирилл Владимирович. Впрочем, пути назад у них нет.

– Убейте этих людей, немедленно! – визгливо кричит самозванный царь Кирилл Первый матросам почетного караула. – Я вам приказываю, как ваш новый император!

А те еще не отошли от шока, жестоко сбиты с толку, да и винтовки у них не заряжены, ибо не положено в почетном карауле стоять с заряженным оружием. Некоторые тянутся к подсумкам за обоймами, другие только трясут головами и недоуменно оглядываются вокруг себя. И как раз в этот момент по обеим сторонам перрона открылись множественные порталы, и оттуда появились многочисленные до зубов вооруженные бойцы в футуристической экипировке темно-серого цвета, чем-то напоминающей средневековые рыцарские доспехи. И еще одна группа таким же образом экипированных и вооруженных людей появляется из здания Императорского павильона, откуда буквально минуту назад вышли заговорщики.

– Бросайте оружие! – срывающимся голосом кричит Ольга Николаевна. – Вы окружены армией Артанского князя Серегина. И ты, дядя Кир, в первую очередь!

Кирилл Владимирович, словно в тумане, видит, как подчиненные ему матросы роняют на землю свои винтовки (ибо не родились еще такие дураки, которые решились бы воевать с артанцами), и понимает, что его императорство закончилось, даже не начавшись. При вооруженной поддержке со стороны Артанского князя Ольга Николаевна отберет у него вождельный престол с необычайной легкостью, так как во всех кругах общества, за исключением тех, что непосредственно причастны к заговору, авторитет этого получеловека-полуархангела непререкаем.

В последнем порыве отчаяния неудачливый претендент на престол выхватывает револьвер и, направив его на законную наследницу, несколько раз давит на спуск. Но вместо выстрелов слышатся слышит звуки: «щелк, щелк, щелк, щелк». Осечка за осечкой... ибо так пожелал бог русской священной оборонительной войны.

Заговорщики замерли в оцепенении, и лишь молча наблюдали за нелепыми потугами неудачливого убийцы. Поняв тщетность своих попыток, ВК Кирилл роняет револьвер и смотрит на происходящее выпученными глазами, в которых застыл мистический ужас.

В это же самое время из стремительно сгустившейся прямо над Императорским павильоном тучи начинают падать крупные капли холодного дождя, тут же переходящего в проливной ливень. Над горящим вагоном с шипением поднимаются клубы белого пара, и вот уже пожар потушен, а все заговорщики вымокли до нитки, и теперь напоминают мокрых крыс. Первыми в Тридесатое царство уводят сдавшихся матросов Гвардейского экипажа. Ничего особенного им не будет: обсохнут на жаре, придут в себя, немного послушают большевистских агитаторов,

а потом вернуться в свои казармы. В любом случае, во время разборок в высшем эшелоне они тут лишние.

Тем временем царский вагон окончательно погас, и чины охраны, натянув на руки кожаные перчатки, лезут в нагромождение еще дымящихся и парящих обломков и достают оттуда вполне себе целые и даже не закопченные окаменевшие тушки Николая Александровича, Александры Федоровны и двух оставшихся внутри телохранителей. Те двое, что успели выйти из вагона на перрон, уже поставлены на ноги, и теперь производят впечатление манекенов из магазина готового платья. И всех прочих заколдованных также выстраивают в один ряд вместе с ними. Особенно впечатляет фигура русского императора, сжимающего в правой руке обломок поручня, за который он держался в момент взрыва. Заговорщики начинают с тоской осознавать, что эту выставку перед ними организуют неспроста...

Вот выходит вьюнош (уже не мальчик, но еще не молодой человек) и по очереди прикасается ко всем «манекенам» правой рукой. И те... оживают! Что за чудо? Заговорщики смотрят на это диво, и глаза их от удивления вылезают из орбит. Каждому из них хочется поморгать, ущипнуть себя, но тем не менее с ужасающей ясностью до них доходит понимание: это все правда.

Император с интересом смотрит на свою руку, в которой зажат обломок поручня, затем бросает его на землю; делает он это так, словно отсекает от себя все лишнее. Оборачивается, несколько секунд смотрит на взорванный, еще дымящийся вагон. Затем обводит взглядом всю мизансцену, слегка кивает, и, одернув шинель и кашлянув для вескости, произносит таким нарочито невозмутимым тоном:

– Так значит, уже все, Сергей Сергеевич?

– Да, уже все, Николай Александрович, – отвечает ему самовластный Артанский князь.

– Благодарю вас, все прошло просто великолепно, не больно, и даже почти не страшно, – говорит император и оборачивается к супруге: – Аликс, дорогая, ты в порядке?

– Благодарю тебя, дорогой Ники, я в порядке, – отвечает императрица. – По крайней мере, удовольствие наблюдать изумленные рожи твоего кузена Кира и господина Гучкова превышают наши сожаления от вида разгромленного вагона. Как я их обоих ненавижу! – Ее горящий взгляд, кажется, способен впечатать этих двоих в землю: ненависть и торжество светятся в нем, отчего те сжимаются и трепещут, чувствуя своими затылками ледящий смертный холодок.

– Это чувство у вас взаимно, – сказала Бригитта Бергман, – только у вас ненависть торжествующая, а у этих – бессильная и униженная. Все прочие заговорщики в настоящий момент испытывают страх, и ничего более, ибо пошли они на это преступление исключительно из меркантильных соображений, и только эти два швайнехунда – от ненависти. Тут у вас все так протухло, что даже глава корпуса жандармов по указанию иностранной державы участвует в заговоре против своего царя. Ну что же, пора забирать всю эту публику и отправляться к нам в Тридешатое царство для начала следственных действий, ибо местным силам правопорядка доверять нельзя ни в коей мере.

– Да, пожалуй, вы правы, – вздохнул Николай, – я оказался настолько плохим императором, что верить в моем государстве нельзя никому. Надеюсь, у Ольги получится лучше. – Он пристально посмотрел на неудавшегося царя; у того нервно дергался рот и глаза затравленно бегали. – А тебе, кузен Кир, я скажу, что на этот раз ты влип окончательно и безнадежно, так как за подготовку к узурпации трона прощения быть не может. Я предам тебя в руки Артанского князя Серегина и умою руки, ибо Господь даровал этому человеку право карать любого, кто нанес ущерб Российской державе, будь это хоть сам император.

– Но, Ники! – воскликнул Кирилл Владимирович каким-то пронзительным фальцетом, в котором звучала смертная тоска; его унылая физиономия, залитая бледностью, вытянулась как у коня. – Я же твой двоюродный брат!

– Я тоже твой двоюродный брат, – парировал император Николай, – и это совсем не помешало тебе одобрить подготовку взрыва, в котором должны были погибнуть и я сам и все, кто будут со мной. Но только Паладин Господа Артанский князь Серегин ничего не оставляет на волю случая, и, когда вы принялись суетиться, сколачивая свой заговор, он тут же почувствовал вашу омерзительную возню и приказал своим людям следить за самыми отвратительными персонажами – то есть за тобой и за месье Гучковым. Теперь вы – подследственные в деле о государственном перевороте, и закончиться все может только любимым для г-на Серегина образом, то есть ссылкой на необитаемый тропический остров глубокой древности без права возвращения. Думаю, что пройдет совсем немного времени, и вы достигните истинного обезьяноподобия: забудете человеческую речь и будете кидаться друг в друга калом. Госпожа Бергман, они все ваши.

– Но я французский гражданин! И я требую позвать сюда консула! – попытался возмутиться месье Боссе; голос его звучал сипло и неестественно, он весь вспотел и тяжело дышал. При виде раскрывшейся в пространстве дыры, несущей дыхание адского жара вместе запахами мирры и ладана, он в ужасе отшатнулся и каким-то трагикомичным жестом всплеснул руками. – Мой арест есть беззаконие и беспорядок!

– Ваше гражданство нам безразлично, – пожалала плечами Бригитта Бергман. К тому же мы знаем, что вы, месье – майор Второго Бюро Рене Бертран, а никакой не коммивояжер Раймон Боссе, и это вызывает в нас дополнительный интерес. А сейчас хватит болтать! Вы все, руки за голову и марш в портал! Все хорошее для вас закончилось.

3 октября (20 сентября) 1914 года, 12:05. Царское село, Александровский дворец, рабочий кабинет императора.

На следующий день после покушения на свою августейшую особу Николай Второй вызвал к себе французского посла Мориса Палеолога и британского посла сэра Джорджа Уильяма Бьюкенена. К этому моменту в столице Российской империи творилось нечто невообразимое. Аресты шли валом, причем несчастных свозили не в Кресты или Петропавловскую крепость, а отправляли в неведомое Тридесатое царство, откуда обычному человеку выбраться своими силами невозможно.

Русский самодержец, уязвленный в своих лучших чувствах, запустил в санкт-петербургский элитный курятник людей из артанского сыскаго приказа, и те устроили настоящий погром среди министров, тыловых генералов, депутатов Думы и прочих персонажей, тем или иным образом участвовавших в масонских организациях, курируемых ложей «Великий Восток Франции». А других и не было. Вступая в масонские организации ради скорейшей карьеры, подданные русского царя приносили клятву под страхом смерти беспрекословно повиноваться всем приказам вышестоящих масонов, следовательно, делали себя заложниками самых безумных желаний политических пигмеев с берегов Сены. К началу Первой Мировой Войны это поветрие сделалось буквально абсолютным, и теперь требовалось не только срывать созревшие грибочки, но и выкорчевать всю грибницу, чтобы государство императрицы Ольги не тревожили рецидивы этой тяжелой болезни. Помимо французской, прореживалась и не столь многочисленная британская агентура, в основном связанная с Морским министерством. Если французов в России интересовала армия, то британцев флот.

Оба посла главных стран Антанты смотрели на происходящее с ужасом и недоумением. Прямо у них на глазах рушились труды многих предшественников, стремившихся превратить Россию в послушное полуколониальное государство, источник дешевого сырья, хлеба и пушечного мяса. Теперь, после неудачи переворота, с провалом этой политики надо было смириться хотя бы на какое-то время и принять тот неоспоримый факт, что, по крайней мере, на этой войне, Россия будет преследовать только свои интересы. Господам послам еще предстояло осознать глубину той пропасти, в которую предстояло упасть их странам.

Русский царь принял послов холодно, и хуже всего было то, что он находился в своем кабинете не один. Человек, составлявший ему компанию, не мог быть никем иным, как Артанским князем Сергием из рода Сергиев, пришельцем из иных времен, с легкостью поставившим на рога весь европейский политик.

– Господа послы, – сказал император всероссийский, – считаю необходимым поставить вас в известность о том, что Российская империя в одностороннем порядке разрывает англо-русский и франко-русский союзы. После того, что вчера было учинено с вашей прямой подачи, Мы вам больше ничего не должны. Теперь наши союзники – это Великое Княжество Артания, Сербия и Болгария, и более никого. В том, что это случилось, вы должны винить только себя. С кайзером Вильгельмом Мы, напротив, намереваемся искать мира и нормализации отношений. Продолжение войны не принесет добра ни монархам, ни народам наших стран.

– Ставлю вас в известность, – сказал Артанский князь, – что поведение ваших государств в канун этой войны, а также в деле с попыткой государственного переворота в Российской империи, было измерено, взвешено и признано негодным. В качестве Бича Божьего в самом ближайшем будущем я предложу кайзеру Вильгельму стать моим вассалом, и если он согласится, то мы вместе обдерем мясо с ваших боков до самых костей. Никому не нравятся беспринципные мерзавцы, наносящие удар в спину союзнику, и Всемогущий Господь в этом правиле не исключение.

– Но вы же сами отказались немедленно наступать на Берлин и тем самым выполнять свой союзнический долг! – вскричал Морис Палеолог. – В таких условиях мое правительство было просто вынуждено предпринять экстраординарные меры для того, чтобы изменить ваше вызывающее поведение.

– Да, отказались, – ответил император Николай, – ибо сие не соответствовало нашим интересам. Российская империя вступила в эту войну только для того, чтобы спасти от уничтожения братскую ей Сербию, поэтому на германском направлении после ликвидации Восточно-Прусского балкона ее позиция была сугубо оборонительной, а на Австро-Венгерском направлении – исключительно наступательной. Наша главная цель – разгром государства Габсбургов и ликвидация угрозы существованию Сербии и Черногории. Вступление в войну Османской империи тоже было придумано не нами, но раз уж так получилось, то у нас появилась цель номер два, чтобы по итогам этой войны Босфор и Дарданеллы отошли под власть России. А кайзер Вильгельм мог и подождать своей очереди за номером три, но ждать не желали уже вы. Ну что ж, какой мерой вы мерили, такой и отмерится вам – что посеяли, то и пожнете. Россия была, есть и будет Великой державой, а ваши государства в ближайшее время ждет исчезновение с карты мира и полное забвение. Так и передайте в свои столицы. Больше на эту тему Нам сказать нечего, так что идите отсюда вон, потому что Мы не хотим вас больше видеть.

– Вы оба еще об этом пожалеете! – не удержавшись, прошипел направившийся к выходу Джордж Бьюкенен.

– Дурацкое это занятие – грозить Бичу Божьему, – вздохнул Николай.

– Лондон в руинах, флот на дне, королевская семья в плену, депутаты и министры либо мертвы, либо прячутся по разным укромным норам, чтобы не попасть под карающий удар – вот таким теперь будет будущее вашей Британии, – добавил Артанский князь, демонстрируя призрачные нимб, крылья и великокняжеское корзно. – А простых Джонов и Мэри, так уж и быть, я расселю по всей Руси Великой по одной семье на деревню, чтобы и смертоубийства лишнего не допустить, и окончательно стереть вашу безумную нацию с лица земли. Моих полномочий младшего архангела для этого вполне достаточно.

Услышав эти слова, Морис Палеолог втянул голову в плечи и поспешил поскорее выйти из царского кабинета, пока и про Францию не сказали чего-то подобного. Но этот вопрос заинтересовал уже русского императора. Когда послы вышли, он спросил:

– Сергей Сергеевич, а что вы намерены делать с Францией? Ведь понятно же, что при любом исходе войны эта республиканская страна так и останется возмутителем общего европейского спокойствия.

– Понимаете, Николай Александрович, – ответил Серегин, – в переводе с латыни слово «республика» означает «общее дело», но это проще произнести, чем претворить в жизнь. Но если такое удастся, то мощь получается невероятная. Именно на этом запале французские революционные армии лупили и в хвост, и в гриву своих соседей по Европе. Потом, когда запал начал иссякать, республика легла под одного вождя и оделась в оболочку Империи. Помните, как это было? Чтобы разогнать Совет Пятисот, Бонапартию не потребовалось ни пушечных, ни ружейных залпов – было достаточно одного барабанного боя. Остатки той былой революционной роскоши дожили во французской армии до Бородинской битвы и почти в полном составе влились в ряды моих Верных, а что касается прочей Франции, то общим делом для всего французского народа тамошнее государство более не было никогда. Тамошние деятели отстроили себе самую омерзительную из всех возможных политических систем, именуемую олигархией, то есть властью денежных мешков, и выборность депутатов Национального Собрания и прочих должностных лиц в сущности этого режима ничего не меняет. Для народа подобный выбор между различными сортами дерьма оборачивается форменным издевательством...

– Так вы настаиваете на важности роли народа в государстве? – спросил Николай

– Да, я на этом настаиваю, – ответил Артанский князь. – Монарх должен быть един со своим народом, ведь он – та твердь, на которую опирается государство. Назвав себя хозяином земли русской, вы низвели императора всероссийского с уровня царя-батюшки до банального тирана-диктатора, удерживающего власть только при помощи вооруженной силы, что и предопределило все дальнейшие российские неурядицы. Впрочем, и во Франции никакого единства между властью имущими и народом не существует. А у меня с этой страной особые отношения – конечно, не такие, как с Россией, которая для меня превыше всего, и не такие, как с Германией, потому что среди моих Верных достаточно много людей тевтонского, то есть немецкого происхождения, но все равно особые. Заключая с Бонапартием мирное соглашение, я обещал императору французов, что буду с заботой и вниманием относиться к его народу. Заметьте, не к французскому государству, потому что оно может быть весьма разным, и тем более не к заносчивым и глупым политиканам, а именно к народу этой страны. Впрочем, я пока еще ничего конкретного не решил...

– Но все же, Сергей Сергеевич, должны же у вас быть хоть какие-то планы в отношении этой страны? – спросил Николай. – Франция сейчас выглядит как республиканская заноза среди окружающих ее обычных монархий. Ольга говорит, что если ничего не изменить, то эта зараза захватит все Европу. И тогда наша цивилизация окончательно погибнет, ибо будет уничтожено все, что составляло ее основу: верность монарху, вера в Бога, личная честь и любовь к ближнему. Останется один лишь меркантильный расчет, и именно он будет править всем человечеством.

– Ваша дочь права, – ответил Серегин. – А мне сейчас ясно только одно: нынешнюю, так называемую республиканскую, элиту Франции после войны необходимо судить за разжигание войны и повесить высоко и коротко. Эти люди так долго шли к своему успеху, что я не могу отказать им в таком удовольствии. Но стоит ли восстанавливать из руин само французское государство, я пока не знаю. Ни один рецепт из поваренной книги Старших Братьев не подходит тут окончательным образом. Если разорить эту клоаку дотла, а потом пустить все на самотек, как это было в мире полковника Половцева, то на месте Третьей республики возникнет Четвертая, голодная, злая и еще более жаждущая реванша. Еще одна война – и демографический потенциал французской нации, подорванный во времена первой и второй империй, будет окончательно уничтожен. Ведь общеизвестный же факт, что за время революционных и наполеоновских войн средний рост французских мужчин уменьшился почти на пядь. Лучшие

из лучших полегли в бесцельных войнах, и вместо них изрядно размножились разные посредственности. Через сорок лет после Бородинской битвы они создали у себя имитацию былого величия из искусно построенных театральных декораций, назначили императором талантливого мистификатора, после чего вся эта халабуда, яркая и шумная, как цыганский ансамбль песни и пляски, рухнула под ударом прусских армий.

– Но должны же быть и другие методы, кроме того, чтобы позволить французам делать то, что им захочется? – спросил Николай. – Ведь даже я, человек не очень талантливый, понимаю, что в подобном случае они снова учредят себе республику, выберут депутатов и президента и пойдут по прежней кривой дорожке, да так, что нынешние политические деятели по сравнению с новыми будут казаться просто ангелами во плоти.

Артанский князь пожал плечами и ответил:

– Есть у меня и другой рецепт. В мире моей супруги Елизаветы Дмитриевны ваш брат Михаил Александрович на пару с кузеном Вилли после весьма скоротечной войны нарежали склочную старушку в красной шапке на несколько порционных кусков размером с Бельгию, определив каждой такой части по монарху из числа Бурбонов-Орлеанидов или потомков братьев Бонапартия. Но тут буквальное повторение такого сценария исключено, потому что в местной действительности напрочь отсутствует такое явление, как Континентальный Альянс, и создавать его из вчерашних врагов уже некогда. Сразу после рождения новосозданные французские государства были включены в это огромное пространство без всяких внутренних границ, простирающееся от Ливерпуля на западе до Иокогамы на востоке. В Германию или там Британию французов не тянуло, в Японию тоже, но, едва прошел первый шок, большая часть активного населения села на пароходы и поезда и быстро-быстро перебралась туда, где жизнь кипела ключом – то есть в переустраиваемую вашим братом Российскую империю. И на этом Франция закончилась как европейское явление, потому что новонарезанные королевства сами собой превратились в подобия административных округов, куда отпрыски из русских семей французского происхождения ездили к бабушкам на лето. Моя супруга говорит, что в ее времена в любом месте Великой Руси чисто русского человека с французской фамилией можно встретить так же часто, как и такого же русского человека немецкого происхождения. Да и не разберешься уже, кто и от кого происходит, ведь за сотню лет выходцы из Европы перемешались и с русскими и между собой до полной гомогенности.

– Ну что же, – деланно хмыкнул император всероссийский, – вот это вполне годный вариант развития событий. Единственное, что меня смущает, это возможное чрезвычайное усиление Германии.

– Действительно, так, наверное, я и поступлю, только делить Францию на порционные куски не буду, – сказал Серегин. –хлопотно это и не соответствует духу моих соглашений с императором Бонапартом. Вместо того я немедленно начну отбор претендентов и претенденток на будущий французский трон, а то как бы нужных людей не затоптали во время грядущих роковых событий. А насчет Германии вы не беспокойтесь. Во-первых, кайзер Вильгельм будет моим вассалом, что гарантирует его лояльность в отношении Российской империи. Во-вторых, программа обновления и промышленного усиления

России, которая, как планируется, будет вытягивать к вам французов, заодно в огромных количествах как пылесосом потащит к вам и прочих европейцев, включая германцев. В мире моей супруги Второй Рейх захирел уже при следующем кайзере, ибо за двадцать лет все умные да верные уехали делать карьеру в Россию. При этом специально их никто не сманивал, просто размах русского экономического торнадо, со страшной силой раскручивающегося над просторами одной пятой части суши, требовал себе специалистов, специалистов и еще раз специалистов. Российская империя, которой вам довелось править, на самом деле в опытных и любящих ее руках способна превратиться в богатейшее государство мира. Для этого необходимо лишь

одно: людей, подобных графу Витте и господину Победоносцеву, в самом раннем возрасте требуется беспощадно спускать в мясорубку репрессий, чтобы не было их тут никогда, и точка!

Видимо, последняя фраза была о наболевшем, ибо подобные деятели «достали» Серегина еще в родном мире, потому что дремлющий внутри него архангел вдруг снова пробудился и перешел в полуактивное положение. Ключки по закоулочкам еще не летают, а вот озоном в воздухе уже пахнет. Николай Александрович сделал полшага назад и круглыми глазами уставился в точку над макушкой Артанского князя, где снова прорезался нимб и на распахнувшись за его спиной крылья.

«Пора заканчивать разговор, – подумал Серегин, глядя на ошарашенное выражение на лице русского царя, – возвращаться в тридешатое царство и собирать консультантов по поводу отбора потенциальных кандидатур на должность французского монарха, единственного и неповторимого. А там поглядим, что из этого выйдет...»

Семьсот сорок второй день в мире Содома. Поздний вечер. Заброшенный город в Высоком Лесу, Башня Силы.

Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский

Совещание по «французскому» вопросу я собрал в своем рабочем кабинете. С одной стороны, это были Ольга Николаевна и Михаил Александрович из четырнадцатого года и Ольга Александровна Романова из пятого года, с другой – изрядно омоложенный британский король-ловелас Эдуард Седьмой и его дочь Виктория Великобританская, вернувшаяся в расцвет своей красоты. И все – более никаких экспертов по пребывающим в забвении претендентам на французский престол у меня под рукой не имеется. Правда, вместе с Ольгой Николаевной пришел ее жених Коба, только он не эксперт, а такой же ценитель прекрасного, как и я сам.

– Итак, господа и товарищи, – сказал я, – слушается дело Ля Белле Франсе, девочки в красной шапке, которая хотела быть гордой Свободой на баррикадах, а в итоге стала дешевой шлюхой по вызову для банкирского клана Ротшильдов и их подпевал. Последняя авантюра привела эту страну на край гибели, и теперь нам надо решить, пристрелить старушку и забыть о ней или попытаться вернуть ей человеческий облик.

– Вернуть человеческий облик – это значит реставрировать монархию, не так ли, товарищ Серегин? – с оттенком неодобрения спросил товарищ Коба.

– Должен заметить, – сказал я, – что прославленная советская система с полной отдачей функционировала только в монархическом режиме с товарищем Сталиным в роли красного императора. Во все остальные времена, когда господствовало так называемое коллегиальное управление, производительность государственной машины была заведомо ниже тридцати процентов. То, что нужно было делать немедленно, делалось с запозданием или в недостаточном объеме, зато невозполнимые ресурсы тратились на воплощение ненужных или изначально вредных идей. Вместе с носителем политической воли Советский Союз утратил систему целеполагания, в силу чего его руководство перешло сперва на пассивную, а затем и на пораженческую позицию.

– Но нынешняя Франция – это совсем не то же самое, что Советский Союз эпохи расцвета и упадка, – возразил Коба.

– Во Франции тоже живут простые люди, для которых хочется мира, порядка, социальной справедливости и человеческого счастья, а не сплошных войн, мятежей и революций, – парировал я. – У России после войны для всех забот будут Ольга Александровна и товарищ Коба. У Германии останется кайзер Вильгельм, который на самом деле неплохой правитель. Британии, я, так уж и быть, верну короля Георга Пятого, только исключительно в статусе самовластного монарха. Но кто позаботится о бедных французах – неужели кто-то из тех мелких политических проходимцев, что толпой кинутся в схватку за власть, едва отгремят бои? Или вы предполагаете, что германская оккупация Франции должна продолжаться вечно?

– Bravo, господин Серегин! – воскликнула принцесса Виктория. – О своих врагах вы намереваетесь заботиться не меньше, чем о любезных вашему сердцу русских!

Ох, лучше бы она молчала. Архангел во мне зашевелился, занимая предстартовую позицию, в районе темечка ощутилась щекотка и между лопаток подозрительно зачесалось.

– Враг, мисс Тори, – начал я, усилием стараясь успокоить архангела, – всегда вооружен, агрессивен и преисполнен злобных намерений, потому что убежден, что это он тут настоящий человек, а все остальные – не более, чем грязь под его ногами. Таких я бью ногами, иногда насмерть, иногда до капитуляции и раскаяния – как придется, хотя последнее обычно предпочтительней. При этом гражданское население вражеской страны не вызывает во мне никакой ярости, и я сожалею о том, что жертвы среди него в ходе войны неизбежны. И хоть нынешняя Франция – это не тот случай, иногда злу предается целая нация; но и тогда мой Господин желает не смерти грешника, но его исправления, ведь он одинаково любит своих детей – без различия цвета кожи, разреза глаз и вероисповедания. Эта война началась по причине алчности власть имущих Европы, уже разделивших между собой на колонии весь прочий мир, и теперь ради дальнейшего расширения своего влияния решивших устроить схватку за его передел. Моя цель – закончить эту войну с минимальными жертвами и таким образом, чтобы ее повторение не было возможно в сколь-нибудь обозримой исторической перспективе. Для этого европейский континент необходимо привести в состояние уравновешенного единства...

– Какого-какого единства? – переспросил британский король Эдуард.

– Уравновешенного, – сказал я. – Это значит, что к минимуму должны быть сведены как внутренние социальные конфликты, так и противоречия между европейскими государствами. Если не будет толп голодных людей, которым нечего терять, то отпадет и главная предпосылка к развязыванию войн и совершению революций. А чтобы этим не занимались жадные до власти и славы политиканы, все монархи будущего континентального европейского альянса, за исключением Ольги Николаевны, станут моими вассалами. В прошлом мире я ничем подобным не занимался, потому что там мне пришлось иметь дело с периферийным колониальным конфликтом, не затрагивающим основы цивилизации, но тут я обязан погасить мировую бойню и ликвидировать саму возможность ее рецидива – а такая задача требует нетривиальных решений.

– А почему кроме меня, Сергей Сергеевич? – спросила Ольга, опустив очи долу, чтобы не видеть моего нимба.

– А потому что вы, Ольга Николаевна – будущая императрица всероссийская, и отныне и присно и во веки веков будете моим союзником и Верховным представителем в Альянсе, – ответил я. – И только в том случае, если вашего такта, политического влияния и авторитета Российской державы не хватит для улаживания возможного конфликта, за дело, оторвавшись от всех прочих забот, возьмусь я сам. Но в таком случае горе будет виновному, причинившему мне неоправданное беспокойство, ибо человек я весьма занятой. И именно поэтому новый монарх или монархиня для Франции должны быть подобраны с чрезвычайным тщанием. Это не должен быть человек, который всю жизнь ожидал призрачного трона, а также тот, кто будет чужд французам своим менталитетом и привычками. При этом мне безразлично, мужчина это будет или женщина, а также неважно, если этот кандидат окажется слишком стар. Тут у нас в Тридесятом царстве старость не порок, а всего лишь излечимая болезнь. Самое главное, чтобы этот человек мог ощутить себя одним целым со своим народом и полюбить его как часть самого себя, что есть главная добродетель монарха.

Выслушав мой ответ, Ольга покраснела до кончиков ушей и тихо ответила:

– Благодарю за доверие, Сергей Сергеевич, будьте уверены, что мы с Иосифом вас не подведем. Что касается возможного кандидата или кандидатки в хорошие французские монархи, то мы таковых просто не знаем, ибо и Орлеаниды, и Бонапарты исповедуют католичество, и в силу того не входят в круг потенциальных брачных партнеров для нашей семьи.

– Зато такой кандидат, точнее, кандидатка, известна мне, – заявил вдруг Михаил Александрович. – Это постоянно проживающая в Париже Мари Бонапарт, супруга греческого принца Георга и мать двоих детей. Все остальные принцы и принцессы либо профессиональные ожидатели призрачного трона, либо уже вовсе не связывают себя с Францией, зато Мари довольно успешно подвизалась на ниве психоанализа, и даже сотрудничает с Зигмундом Фрейдом...

– О Господи! – вздохнул я. – Только не этот чудной старик, сводивший все бессознательные побуждения человека к тому, что лежит ниже пояса, а потому утыкавший весь мир женскими вагинами и эрегированными мужскими членами...

«Соглашайся, Серегин, – шепнула мне энергооболочка, – лучшего кандидата и в самом деле нет. А дурь у бабы мы вылечим, у нас тут лечат все болезни – и телесные, и душевные. Отдашь эту Мари в проработку Лилии, мисс Зул и Анне Сергеевне – и будет у тебя вполне съедобная французская императрица, как раз то, что прописал этой стране доктор, то есть ты».

Я прислушался к этому внутреннему голосу, и согласился: если лучшей кандидатуры и в самом деле нет, то мы для начала изыщем сюда эту Мари Бонапарт, а потом уже будем решать, подходит она нам или нет. В конце концов, можно будет отвести ее на «Неумолимый» и там провести тестирование на императорские способности. В любом случае Париж, который скоро станет полем битвы, это совсем не место даже для потенциальной кандидатки в императрицы, тем более что она мать двоих детей. Теперь наша главная задача – опознать одну-единственную женщину среди почти трех миллионов парижан и тихо умыкнуть ее сюда вместе с детьми, так, чтобы и комар носа не подточил.

5 октября 1914 года. Полдень. Великобритания, Лондон, Офис премьер-министра на Даунинг-стрит.

Присутствуют:

Премьер-министр Великобритании Генри Асквит

Военный министр – фельдмаршал Горацио Герберт Китченер, граф Хартумский

Первый лорд Адмиралтейства – Уинстон Черчилль

Министр иностранных дел – Эдуард Грей, третий баронет из Фаллодона

– Джентльмены, – сказал Эдуард Грей, – сэр Генри собрал вас всех здесь по моей просьбе. Дело в том, что нас постигло пренеприятнейшее известие – Российская империя в одностороннем порядке разрывает англо-русский и франко-русский союзы и выходит из войны с Германией: таковой оказалась наша плата за неудачную попытку государственного переворота в Санкт-Петербурге. Отныне об идеальной блокаде Второго рейха можно забыть, потому что вдоль всей его восточной границы распахивается дыра, обещающая гуннам свободный доступ к практически неограниченным запасам сырья и продовольствия. Но и это далеко не самое страшное. Потусторонний союзник царя Николая, Артанский князь Сергей и рода Сергиев, сообщил сэру Бьюкенену, что он и его Господин считают наше поведение неприемлемым, а потому кайзер Вильгельм в ближайшее время получит предложение стать личным вассалом этого господина, носящего устрашающий титул Божьего Бича. Эти двое обещают совместными усилиями ободрать с наших боков все мясо до самых костей. Этот ужасающий господин пообещал нам, что в самом ближайшем будущем Лондон будет разрушен, наш флот ляжет на дно, королевская семья окажется в плену, а все мы, министры и депутаты, либо умрем, либо будем прятаться от смертельной опасности. И только простолюдинам со стороны Артанского князя не грозит ничего страшнее, чем переселение в Россию и распыление среди местного народа по одной семье на деревню. Мол, таким образом можно не допустить ненужного смертоубийства, и в то же время истребить нашу британскую нацию до последнего человека, чтобы она осталась только на страницах учебника истории.

– Сэр Эдуард, – пыхнул сигарой Черчилль, не приняв всерьез ни одного слова, – а почему вы назвали мистера Сергия потусторонним союзником царя Николая?

– Сейчас это уже известно всем и каждому, – ответил тот, – армия этого человека, как и он сам, не принадлежит этому миру. Они приходят к нам сюда из какого-то далекого Тридесятого царства, делают свое дело, а потом отступают к себе обратно для перегруппировки и пополнения сил. От наших источников в Белграде известно, что где-то там, в жарком-прежарком мире, у Артанского князя имеется хорошо обустроенная столица, полная самого причудливого волшебства. Там пахнет миррой и ладаном, как в храме, а прямо из земли бьет фонтан Вечной Молодости. Там старики и старушки, если будет на то соизволение мистера Сергия, снова становятся юношами и девушками. Там раненые русские и артанские солдаты выздоравливают за одну ночь и снова встают в строй. Там Артанский князь вербует в свою армию и проводит обучение идеальных женщин-солдат гренадерского телосложения, по своим возможностям превосходящих трех обыкновенных мужчин цивилизованных времен. Там Бог близок к людям настолько, что даже страшно подумать: как Верховный Покровитель и Начальник мистера Сергия Он дает Артанскому князю прямые указания, какие миры нуждаются в исправлении.

– Но это же ужасно! – всплеснул руками премьер Асквит. – У Британии еще никогда не было врага, наделенного такой нечеловеческой мощью!

– Для нас это действительно ужасно, – ответил Эдуард Грэй, – потому что война за ограждение германского морского могущества, начатая нами два месяца назад, неотвратимо трансформируется в битву за выживание Британской империи. Как нам известно, Артанский князь еще не проронил все ни одного слова, так что ожидать нам следует только наихудшего. Для этого человека, придерживающегося весьма архаических принципов чести и верности своему слову, мы являемся воплощением всего мерзкого и нечистого, что только может быть в политике. И если его позиция где-то смягчалась, то лишь в том случае, если враг падал на спину и молил о пощаде. Таких мистер Сергей обычно не убивает, а голыми и босыми отправляет в ссылку на тропические острова в незаселенных мирах. К врагу, оказывающему сопротивление, он беспощаден и бьет его насмерть...

– Мы не будем падать на спину и молить о пощаде! – угрюмо произнес фельдмаршал Китченер. – Наши предки сражались до конца и в более безнадежных ситуациях.

– Смею вас заверить, что более безнадежной ситуации в британской истории еще не было, – ответил министр иностранных дел. – Вы должны бы знать о том, как артанские летательные аппараты в считанные часы вдребезги разнесли всю железнодорожную инфраструктуру Восточной Пруссии. Представьте себе, если нечто подобное начнется у нас. Да и история с «Гебеном» тоже не сулит королевскому флоту ничего хорошего.

– И что вы предлагаете, сэр Эдуард? – спросил Генри Асквит, сделав знак лорду Китченеру помолчать.

– Два месяца назад я бы тоже еще похорохорился, – хмыкнул Эдуард Грэй, – но сейчас, когда мистер Сергей уже продемонстрировал всему миру, какой расклад у него на руках, такое поведение будет смерти подобно. При угрозе прямого столкновения с игроком такого класса нужно немедленно бросать карты и выходить из игры, а иначе можно лишиться вообще всего, что у нас есть, вплоть до собственных жизней. Историю с попыткой переворота необходимо свалить на посла Бьюкенена, сделав из него козла отпущения: мол, это была его личная инициатива, проявленная от излишнего служебного рвения. И одновременно следует завязать с властелином Артании мирные переговоры – например, через наше представительство в Белграде. Сэр Чарльз Луи де Грац, конечно, не самый лучший из наших дипломатов, но для первого контакта с тем, кто называет себя Бичом Божьим, хватит и его талантов.

В кабинете премьер-министра повисла тишина. Таким образом (заранее убоявшись угрозы полного разгрома) Британия из конфликтов не выходила еще никогда. И в то же время

министр иностранных дел обрисовал вполне конкретную перспективу противостояния силе неодолимой мощи и последующего всеобъемлющего уничтожения.

– Но что мы будем делать, сэра Эдуард, если мистер Серегин на этих переговорах выдвинет нам неприемлемые условия? – спросил Черчилль.

– Как я понимаю, – ответил тот, – любые условия Артанского князя будут выглядеть для нас неприемлемыми, но нам придется их принять, ибо альтернативой тому может стать гибель Британской империи. По мнению этого человека, наше солнце слишком долго стояло в зените, и вот теперь пришло время закатить его вручную. Вопрос только в том, сколько при этом прольется британской крови – в числе прочих, на кону находятся и наши с вами жизни...

– Так это, получается, капитуляция? – спросил фельдмаршал Китченер, топорща сидящие усы.

– Да, это капитуляция! – вместо Эдуарда Грэя подтвердил премьер-министр. – Или вы, дорогой сэра Горацио, имеете надежду выиграть войну против этого господина, когда на его стороне будут все ресурсы Германской империи, а наша идеальная блокада просто поломалась?

– Нет, – покачал головой военный министр, – таких надежд у меня нет. Просто я стараюсь определить некие граничные условия этой затеи.

– Граничное условие просто, – ответил Генри Асквит, – или мы сами договариваемся с Артанским князем на любых условиях, или вместо нас капитуляцию подпишет какой-нибудь мелкий клерк, просто потому, что все, кто был выше него по должности, уже умерли или спрятались так надежно, что их не найти.

– А что скажут депутаты Парламента? – хмыкнул Черчилль. – Думаю, что столь внезапная капитуляция вызовет среди них настоящую бурю. Если члены Палаты Лордов поймут, что своя шкура дороже гордости, то политики из Палаты Общин будут вне себя от ярости...

– Что-то мне подсказывает, что в таком случае это будут уже их проблемы, – ответил министр иностранных дел. – Думаю, что попытка отставки договорившегося с ним правительства приведет в ярость уже Артанского князя, и когда это произойдет, я не хотел бы находиться где-то поблизости от Вестминстерского дворца – в таком случае от него может не остаться и камня на камне, на чем Парламент в Британии просто закончится. Есть сведения, что мистер Сергей люто ненавидит парламентских демагогов, и в то же время с достаточным уважением относится к людям, способным вершить политический процесс. Предполагаю, что одним из требований с его стороны будет переход Британии от Парламентской к абсолютной монархии. Но это еще не точно...

– Ладно, джентльмены, – сказал Генри Асквит, стукнув по столу председательским молотком, – не будем начинать дела с конца и обсуждать еще не выставленные требования Артанского князя. Сейчас самое главное, чтобы информация о наших планах провести переговоры с Бичом Божьим не просочилась к лягушатникам. Пусть они думают, что мы будем сражаться рядом с ними до конца. В конце концов, эта война была их затеей, а мы еще долго думали, вступать в нее или нет. Надо честно признаться, что нейтралитет Бельгии был для нас не причиной, а всего лишь поводом. А теперь о наших планах. Сэр Эдуард должен вступить с Артанским князем в отдельные переговоры и добиться на них для нас наилучших условий, а сэру Горацио и сэру Уинстону следует подготовить все необходимое для экстренной эвакуации наших Экспедиционных сил с Континента обратно на Острова. Если война проиграна в любом случае, то британские солдаты не должны погибнуть ради того, чтобы всего лишь продлить агонию лягушатников. И то же касается королевского флота. Сэр Уинстон, приготовьтесь отдать команду на корабли блокадной завесы, чтобы по получении приказа они покинули назначенные позиции и направились в свои базы. Флот – это самое ценное, что у нас есть, и негоже подвергать его корабли ненужному риску. Ну а я возьму на себя самую тяжелую обязанность – проинформировать о наших планах Его Королевское Величество Георга Пятого –

и самой большой новостью для него должно стать то, что британские должностные лица оказались замешаны в планах лягушатников по свержению его русского кузена Николая.

5 октября 1914 года. Три часа дня. Великобритания, Лондон, Белая гостиная Букингемского дворца.

Присутствуют:

Король Великобритании Георг V

Премьер-министр – Генри Асквит

Сразу после завершения совещания с министрами военного кабинета Генри Асквит заслал в Букингемский дворец курьера с просьбой о срочной аудиенции. А там его уже ждали, причем с нетерпением. Еще вчера вечером король Георг получил от своего русского кузена ядовитейшую телеграмму². . . Если бы слова этого послания, выбитые телеграфным аппаратом на желтоватой ленте, можно было растворить в воде, то одна капля этого состава убивала бы лошадь ничуть не хуже никотина. Кузен Ники высказал кузену Георгу все, что думает о нем самом и о британской политике вообще, а тот оказался и вовсе не при делах, потому что с Букингемским дворцом никто и ничего не согласовывал.

Поэтому встретили мистера Асквита жарко. Король кипел как электрический чайник, который забыли отключить от сети, и потому, едва премьер успел поздороваться, сразу же перешел в атаку.

– Вы все, гребанные политиканы – настоящие зоофилы, содомиты и прочие извращенцы! – приветствовал Георг Виндзор визитера. – Кто вам позволил устраивать покушение на моего двоюродного брата и при этом еще попасться таким глупым образом? Артанский князь хватает заговорщиков на месте преступления, и одним из главных действующих лиц там оказывается ваша креатура принц Кирилл, который тут же указывает пальцем на вас, как на заказчиков и вдохновителей этой безумной авантюры. Но это еще не все печальные для вас новости. Еще тогда, когда в Софии только-только случился переворот, мистер Сергей из рода Сергиев заранее предупредил Ники о том, что вы вместе с лягушатниками предпримете все возможные меры для предотвращения русской операции по захвату Черноморских проливов, ибо по итогам этой войны желаете не усиления, а ослабления России. Он сразу предупредил моего брата о том, что вы готовы на все, в том числе и на попытку царевубийства и с последующим приведением к власти удобного для вас принца Кирилла. И Ники ему поверил – не мог не поверить, потому что, в отличие от вас, направо и налево сыплющих пустыми обещаниями, мистер Сергей не говорит всуе ни одного слова, и каждая его фраза так же ценна, как полновесная золотая гиней. Это я говорю для того, чтобы вы поняли, что для Артанского князя вы, со всеми вашими хитростями, видны насквозь! А теперь, мистер Асквит, будьте любезны сообщить вашему королю, каким образом вы собираетесь выходить из сложившегося положения, когда войну нашей Империи готова объявить сущность, пользующаяся полным доверием и расположением самого Всемогущего Господа?

– Мы, сир, – произнес тот, опустив глаза, – оказавшись перед лицом разъяренной силы неодолимой мощи, решили заранее начать переговоры о капитуляции с тем, чтобы избежать ненужных потерь и разрушений, а весь гнев Артанского князя пал бы на головы злосчастных лягушатников. Когда наступают такие критические моменты, каждый должен быть сам за себя, и выживание Британии для нас важнее абстрактных союзнических обязательств.

– Ну что же, – хмыкнул, успокоившись, король, – с вашей стороны это вполне ожидаемый кульбит. Если не удалось ударить ножом в спину русских, то значит, непременно требуется

² Всю войну союзники по разные стороны Германии вполне свободно могли обмениваться телеграммами, потому что не все пути в Европе вели через Берлин или Вену. Одна подводная кабельная линия через Северное море связывала британский Ньюкасл и шведский Гётеборг, другая такая же линия через Ботнический залив соединяла Стокгольм с русским Ништадтом (финское название Уусикаупунки).

пнуть ногой в зад замешкавшихся французов. Однако я вполне одобряю ваше благоразумное поведение, потому что мне хотелось бы побывать в пресловутом Тридесятom царстве не в качестве почетного пленника, а в качестве дорогого гостя и союзника. Быть может, хоть там смогут вылечить моего дорого Джонни от эпилепсии. Так что если вы уж приняли самое правильное решение из всех возможных, то поскорее приводите его в исполнение.

Премьер-министр понимающе кивнул. Младший сын короля девятилетний Джонни страдал приступами эпилепсии, и британские врачи были бессильны помочь маленькому принцу, в то время как о Тридесятom царстве разошлась такая слава, что там не умеют разве что оживать мертвых (ибо Творец сделал этот процесс необратимым), однако успешно лечат все прочие болезни, даже старость.

– В ближайшем будущем, – сказал он, – сэр Эдуард Грэй намерен начать искать контактов с Артанским князем через наше посольство в Белграде...

– Зачем так сложно, мистер Асквит? – удивился король. – Вы сказали о своем решении мне, я сообщу о нем Ники, а уже тот передаст эту новость Артанскому князю, и тогда тот сам в надлежащий момент найдет мистера Грэя, чтобы переговорить с ним с глазу на глаз. Самое главное, что при таком методе из числа посвященных будут исключены все случайные и малонадежные люди. Только, прошу вас, случайно не обделайтесь, оказавшись лицом к лицу с самим Бичом Божьим, и ни в коем случае не пытайтесь его обмануть – последствия такой глупости могут выйти воистину ужасными.

7 октября 1914 года. Полдень. Западная окраина Парижа, парк Сен-Клу.

Мари Бонапарт, по мужу принцесса Греческая и Датская

Сегодня днем меня похитили. Все произошло так быстро и так неожиданно, что я просто растерялась. Когда я гуляла в парке с детьми, ко мне подошла хорошо одетая пара. Мужчина, приподняв шляпу, почему-то на чеканной литературной латыни, сказал, что я должна следовать с ними, и времени для размышления нет. Его голос был наполнен теми командными интонациями, какими полководец посылает на штурм полки, и, задрожав всем своим нутром, не в силах произнести не слова, я встала со скамейки. Несомненно, этот человек был сильнейшим магнетизером, способным любого подчинить своей злой воле. Поблизости гуляли люди, неподалеку, блюдя порядок, скучал полицейский, но я словно бы была отделена от них невидимой стеной, так что никто не мог прийти мне на помощь. Оглянувшись, я увидела, что две высокие женщины, одетые как служанки из хорошего дома, подхватили на руки Пьера (6 лет) и Эжени (4 года), и тоже готовы следовать за нами, а наша пожилая няня Клементина по-прежнему сидит на скамейке с таким видом, словно вокруг ничего не происходит.

Мое сознание кричало изнутри и хотело звать на помощь, но ноги сами несли меня в раскрывшуюся в пространстве дыру, из которой несло жаром, как из адовой печи. По всем признакам было легко догадаться, что я понадобилась ужасному пришельцу из другого мира, Артанскому князю Сергию из рода Сергиев, носящему устрашающие титулы Защитника русских и Божьего Бича. Я знала, что сопротивляться этому человеку будет себе дороже, поэтому, вздохнув, сделала шаг на ту сторону врат между мирами, где, как всем уже известно, должна находиться главная вотчина этого человека, так называемое Тридесятom царство...

Семьсот сорок шестой день в мире Содома. Ранний вечер. Зброшенный город в Высоком Лесу, Башня Силы.

Мари Бонапарт, по мужу принцесса Греческая и Датская

Оказавшись в Тридесятom царстве, я чуть было не задохнулась от зноя. Жарко было так же, как в Африке, или даже еще жарче. Бегло осмотревшись по сторонам, я увидела, что нахожусь на площади какого-то восточного города. С четырех сторон этого места в раскаленное небо вонзались башни-пагоды, а в самой середине в небо бил шикарный фонтан, рас-

пространяя вокруг себя веяние прохлады. При этом мои спутники изменили вид своих одежд – они уже не походили респектабельных буржуа с прислугой. Теперь все четверо были облачены в военную форму неизвестной мне страны, и даже на женщинах она сидела как влитая. Такого эффекта невозможно добиться банальным переодеванием, как в театре – тут нужна длительная практика... хотя мне сложно представить себе армию, которая использовала бы солдат женского пола. Ведь мы, дочери Евы, такие непрактичные и непостоянные.

Но тут все было иначе. Повсюду мой взгляд видел женщин в военной форме, при холодном оружии. Некоторые из них, как и «служанки» моих похитителей, обладали чрезвычайно мускулистыми телами, их глаза были чуть раскосы, а уши имели заостренную форму; воистину это были настоящие великанши. Другие, той же породы, имея нормальные размеры и выделялись, я бы сказала, повышенной миловидностью. Третьи внешне ничем не отличались от обычных человеческих девушек, но при этом имели такой гордый и неприступный вид, что можно было подумать, что это местные воинственные принцессы или, как минимум, аристократки. Но особое внимание привлекала к себе группа из двух женщин и девочки-подростка, стоявшая на ступенях одной из башен. Эти особы единственные из всего местного народа не были одеты в военную форму и не имели при себе оружия. Но гораздо более примечательным было другое... Одна из этих женщин отличалась столь необычной – я бы даже сказала, поразительной – внешностью, что я трепетала, когда мой взгляд останавливался на ней. Она имела красную кожу, рога и хвост! Встреть я ее при других обстоятельствах, подумала бы, что это чертовка, выскочившая из ада, и ужасно испугалась бы. Но дело в том, что ни одна чертовка не может надеть на себя христианский крест и не сгореть на месте... а у этой особы серебряный крест преспокойно покоился в вырезе платья меж весьма объемистых грудей.

Мне подумалось, что присутствие здесь этих троих было каким-то образом связано с моим похищением, да только я не понимала каким.

И в этот момент вдруг мои губы ощутили, что вновь получили свободу. Тогда, обернувшись к похитившему меня господину, я спросила:

– Месье, кто вы такой и чего хотите от слабой женщины?

На первый вопрос ответ оказался вполне ожидаемым, а на второй – крайне невероятным.

– Позвольте представиться, – сказал мой похититель, – меня зовут Сергей Сергеевич Серегин, я – Великий князь Артанский, Защитник русских, сербов и болгар, а также Бич Божий для всех, кто посмеет их обидеть. А нужны вы мне, госпожа Мари Бонапарт, правнучатая племянница Великого Корсиканца, для того, чтобы путем несложных психологических и политических манипуляций сделать из вас императрицу всея Франции...

– Вы... вы хотите сделать меня императрицей?! – опешила я и даже непроизвольно сделала шаг назад. – Но ведь, во-первых, у меня нет никаких прав даже на вымышленный престол, а во-вторых, это сейчас уже... немодно.

– Это я теперь решаю в вашем мире, что модно, а что нет, – заявил он. – Отныне в моде будут государства с верховенством монархического принципа. Пора заканчивать с эпохой всеобщей безответственности, когда разные правительства сменяли друг друга, будто в калейдоскопе и ни перед кем не отвечали за свою политику – ни перед Богом, ни перед монархом, ни перед собственным народом. Я могу допустить так называемые ответственные правительства, но только в том случае, если при досрочном прекращении своих полномочий они будут уходить в отставку по-японски.

– Как это по-японски? – удивилась я, позабыв и про жару и про все прочее.

– Обыкновенно, – пожал плечами месье Сергей, – через совершение обряда сеппуку всем составом подающего в отставку правительства. А тех министров, у кого не хватит духу собственноручно лишиться себя жизни, на заднем дворе должны будут пристрелить специально подобранные люди. И только в том случае, если правительство назначает монарх, а не депутаты,

министры при отставке могут не опасаться за свою жизнь, если, конечно, следствие не покажет хищений в особо крупном размере или государственной измены.

– Но это же жестоко и совсем не по-христиански! – воскликнула я.

– Зато справедливо, – прозвучал жесткий ответ. – При такой системе к власти перестанут стремиться безответственные демагоги, а составы кабинетов не будут тасоваться, будто колоды засаленных карт с неприличными картинками. Вчера этот персонаж был министром почт и телеграфа, сегодня он министр транспорта, завтра станет военным министром – и это при том, что он хорошо разбирается только в политической фразеологии, а отнюдь не в вопросах связи, транспорта или тактики со стратегией. Скажите, мадам Бонапарт, французам плохо жилось без Эльзаса и Лотарингии, небо над ними было не голубым, в магазинах недоставало хлеба и конфет, а в водопроводных кранах заканчивалась питьевая вода?

– Я не понимаю, о чем вы говорите, месье Сергей... – пробормотала я, опустив взгляд в землю.

– Мне достоверно известно, – ответил он, – что выстрелы в Сараево, с которых началась вся эта мировая бойня, были тайной операцией вашего Второго бюро, добивавшегося ровно того, что получилось. Вот я вас и спрашиваю: стоили ли Эльзас и Лотарингия того, чтобы ради их возвращения в состав Франции втягивать в войну почти всю Европу, что в итоге должно было привести к смерти нескольких миллионов французов, немцев, русских, сербов и представителей прочих народов?

– Но это же безумие! – Я всплеснула руками и подняла взгляд на собеседника.

Увиденное заставило меня обомлеть. Артанский князь предстал предо мной в образе разъяренного архангела: над головой его завис сияющий нимб, а за спиной распустились прозрачные крылья. Счастье мое заключалось в том, что его гнев не был направлен в мою сторону, а иначе бы я умерла на месте от ужаса. Но в то же время нельзя было не отметить, что месье Сергей являет собой великолепный образчик мужской красоты и силы, рядом с которым нельзя было поставить ни Георга, ни иных прочих моих приятелей-любowników.

– Вот именно – безумие, – подтвердил он, – и именно его я должен прекратить, выповров непослушных и жестоких детишек, кого-то поставив в угол, а кого-то убив насмерть. По отдельной ставке должно оплачиваться предательство союзника – то есть организация заговора с целью убийства русского царя и замены его на персонажа, более удобного для парижских и лондонских политиканов. Третья Республика должна умереть, и это не обсуждается, а вот будет ли Третья Империя, зависит только от вас, ибо иной кандидатуры во вменяемые монархии у меня нет...

– Хорошо... хорошо, мой господин, – сказала я, снова склонив голову, чтобы не видеть ослепительного сияния его нимба, – ваша недостойная раба готова повиноваться вам и сделать все, что вы прикажете, только, прошу вас, не убивайте мою милую Францию насмерть...

– Франция – это французский народ, а отнюдь не свора политиканствующих бабуинов, не умеющая предвидеть последствий своих действий даже на месяц вперед, а не только в масштабе десятилетий или столетий, – назидательно произнес Артанский князь. – Именно поэтому я и намерен сделать из вас императрицу милостью Божьей Марию Первую, основательницу династии и светоч для всего французского народа. Впрочем, я думаю, что раз уж мы достигли общего понимания ситуации, дальнейшие политические дискуссии на ногах, под палящим солнцем неуместны. Сейчас я вручу вас и ваших детей в добрые и надежные руки моей помощницы Анны Сергеевны Струмилиной, магини Разума и главной вытирательницы всех сопливых носов, и займусь другими неотложными делами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.